
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Учебники логики М. М. Троицкого.

Учебникъ Логикѣ съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и другихъ странахъ. Ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета *М. Троицкаго*. Книга первая. Изд. 2-е. Москва. 1886. Книга вторая. Москва. 1886. Книга третья. Выпускъ первый. Москва. 1888.

Элементы Логикѣ. Руководство къ логикѣ, составленное для среднихъ учебныхъ заведеній ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета *М. Троицкимъ*. Москва. 1887.

Въ предисловіи къ послѣдней книгѣ авторъ говоритъ: „Издаваемые теперь Элементы Логикѣ составляютъ приспособленіе появившихся ранѣе двухъ книгъ нашего Учебника Логикѣ съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и въ другихъ странахъ, — къ потребностямъ изученія логикѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Дѣйствительно, связь „Элементовъ“ съ первыми двумя книгами „Учебника“ самая тѣсная. Изложеніе логикѣ въ „Элементахъ“ представляетъ простую перепечатку изъ двухъ книгъ „Учебника“ всего того, что авторъ считалъ необходимымъ ввести въ курсъ преподаванія логикѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Учебникъ“ напечатанъ двумя шрифтами; крупнымъ напечатаны важнѣйшія ученія, составляющія содержаніе логикѣ и ихъ разъясненіе, мелкимъ — частью нѣкоторыя подробности, частью указанія по литературѣ и исторіи изложенныхъ ученій. „Элементы“ представляютъ собственно перепечатку крупнаго шрифта часть сохлш, отд. 2.

„Учебника“, однако, съ слѣдующими двумя отличіями отъ него. Въ первыхъ, напечатанное въ „Учебникѣ“ однимъ крупнымъ шрифтомъ напечатано въ „Элементахъ“ двумя шрифтами: болѣе крупнымъ отмѣчены общія основы логики, менѣе крупнымъ — ихъ разъясненіе и раскрытіе связи между ними. Въ вторыхъ, въ „Элементахъ“ иногда встрѣчаются пропуски текста „Учебника“ строками и даже страницами; всего опущено страницъ 6 — 7; иногда же въ текстъ „Элементовъ“ вносятся напечатанное въ „Учебникѣ“ мелкимъ шрифтомъ; эти вставки почти исключительно касаются приѣрговъ на логическія правила и иллюстрацій ихъ на чертежахъ и объясняютъ, взятая изъ совокупности, какъ полагаю, страницъ 11 — 12. Но есть и еще связь, тѣсно соединяющая „Элементы“ съ „Учебникомъ“. Въ „Элементахъ“ послѣ изложенія (шрифтъ болѣе крупный) и разъясненія (шрифтъ менѣе крупный) каждаго изъ частныхъ ученій, входящихъ въ логику, слѣдуетъ особое прибавленіе, напечатанное особымъ мелкимъ шрифтомъ. Это прибавленіе состоитъ изъ „вопросовъ для повтореній“ и „вопросовъ для домашнихъ упражненій“. Вопросы для повтореній прямо касаются тѣхъ ученій и взглядовъ, которые составляютъ содержаніе „Элементовъ“. Вопросы для домашнихъ упражненій идутъ далѣе содержанія „Элементовъ“, это — вопросы на ту часть содержанія первыхъ двухъ книгъ „Учебника“, которая осталась не перепечатанною въ „Элементахъ“. При каждомъ изъ вопросовъ послѣдняго рода отмѣчены и тѣ параграфы и страницы „Учебника“, гдѣ нужно искать отвѣта на нихъ. Совсѣмъ не затронутыми въ вопросахъ для домашнего упражненія остались, полагаю, не болѣе страницъ 30 всего напечатаннаго мелкимъ шрифтомъ въ двухъ первыхъ книгахъ „Учебника“. Такимъ образомъ „Элементы“, — если выразиться не совсѣмъ точно, но не далеко отступая отъ истины, — въ изложеніи входящихъ въ составъ логики ученій представляютъ перепечатку важнѣйшихъ частей содержанія двухъ первыхъ книгъ „Учебника“, а въ прибавляемыхъ къ этому изложенію вопросахъ для домашнего упражненія даютъ разбросанное по всей книгѣ оглавленіе не перепечатанной въ нихъ части содержанія тѣхъ же книгъ того же „Учебника“. Это предварительное замѣчаніе дѣлается, съ одной стороны, съ цѣлью точнѣе характеризовать отношеніе между двумя поименованными въ заглавіи статьи сочиненіями проф. Троицкаго, а съ другой — для того, чтобы показать, что все дальнѣйшее будетъ одинаково касаться обоихъ этихъ сочиненій, хотя бы и не поименовывалось при этомъ особо каждое изъ нихъ.

По взгляду проф. Тронцаго, логика есть наука о научных приемах или методах исследования и доказательства и должна разъяснить условия научной очевидности, как самих этих приемов, так и начал, на которых они опираются. Она делит логику на три части: логику дедукции, логику начал, то-есть, тех посылок дедуктивных доказательств, которые сами уже не получают дедуктивным путем, и логику наук или специальную методологию. Собственно две первые части должны составлять, по его мнению, предмет общего или среднего образования; последние предоставляется высшему или специальному образованию. Отсюда „Элементы“ делятся на логику дедукции и логику начал. Эти же две части составляют и содержание первых двух книг „Учебника“. В логике дедукции автор, сообщив предварительное понятие о ней, прежде всего останавливается на рассмотрении предложений, как „составных частей силлогизма или дедуктивного доказательства в целях изучения свойства последнего“ (Учебн. I. 71), и с анализом предложений соединяет анализ терминов, как их элементов. Затем разъясняются, так-называемыя, непосредственныя умозаключения, на которые автор смотрит как на раскрытие смысла данного предложения посредством других предложений и как на переходную форму от предложений к силлогизмам (Учебн. I. 69—70). Только за этим уже следует учение, которое в более точном смысле можно назвать учением о дедукции, то-есть, разъяснение силлогизма, сложных дедуктивных умозаключений и дедуктивного доказательства. Начала, логике которых посвящена вторая книга „Учебника“, профессор Тронцаг раздѣляет на определения и законы природы. Все определения состоятъ въ установлении значенія общих терминов (именъ), всѣ они суть предложенія не реальныя, а чисто номинальныя, словесныя. Съ учениемъ объ опредѣленіяхъ соединяется учение и объ условіяхъ, при которыхъ опредѣленія могутъ становиться началами, то-есть, посылками дедуктивных доказательствъ, и объ умственныхъ операціяхъ, съ помощью которыхъ получаютъ опредѣленія. Съ учениемъ о законахъ природы соединяется учение объ индукціи, какъ популярной per enumerationem simplicem, такъ и научной, то-есть, известныхъ пяти видахъ научнаго индуктивнаго доказательства при помощи связи членовъ. „Популярному введенію мы обязаны“ не только „знаніемъ всѣхъ эмпирическихъ законовъ природы“, которые „лишены очевидности своей истинности“, но и установленіемъ „самыхъ общихъ или основныхъ реальныхъ истинъ, въ которыхъ вѣ-

которыя обладаютъ столь высокою очевидностью, что ее называютъ непосредственною. Таковы реальныя аксіомы логики и математика" (Учебн., 1. 153). Научными наведеніями доказываются законы причинной связи явленій. Такимъ образомъ аксіомы вообще, такъ-называемые законы мысли въ частности, теряютъ значеніе особыхъ истинъ, убѣжденіе въ которыхъ получается особымъ путемъ; по основаніямъ своей достовѣрности они всѣ распределяются по двумъ классамъ, опредѣленіямъ и законамъ природы. Однако, особую роль законовъ мысли въ процессахъ знанія авторъ никакъ не отрицаетъ. Въ особой главѣ объ аксіомахъ они ставятся въ число всеобщихъ началъ очевидности научныхъ истинъ и подъ именемъ аксіомъ предложеній разсматриваются какъ начала очевидности, такъ-называемыхъ, непосредственныхъ выводовъ; къ нимъ присоединяются, въ качествѣ аксіомъ умозаключеній, аксіомы силлогизма, демонстраціи и наведенія, замѣняющія у автора, такъ-называемый, законъ достаточнаго основанія. Въ заключеніе логики началъ сообщаются понятія о гипотезѣ, приближительныхъ обобщеніяхъ и аналогіи. На нихъ авторъ смотритъ какъ на несовершенные методы, къ которымъ приходится прибѣгать вслѣдствіе ограниченности знанія и требованій практической жизни.

Третьей части логики, логики наукъ или спеціальной методологіи, въ „Элементахъ“, какъ предназначаемыхъ для среднихъ учебныхъ заведеній, совсѣмъ нѣтъ. Но и въ первомъ, единственномъ доселѣ изданномъ выпускѣ третьей части „Учебника“, поднимается вопросъ лишь о логикѣ одной изъ наукъ, психологіи. Правда, той главѣ, которая посвящена здѣсь логикѣ психологіи, предшествуютъ еще три главы подъ названіями: классификація наукъ, опредѣленіе философіи и логика геометріи. Но „классификація наукъ“ составляетъ, съ точки зрѣнія автора, только введеніе въ логику наукъ; при разсужденіяхъ объ опредѣленіи философіи главнымъ образомъ имѣется въ виду философія какъ предметъ особой кафедры въ университетахъ; а въ логикѣ геометріи авторъ говоритъ лишь о геометрическомъ анализѣ и синтезѣ и прелѣдуетъ, по его собственнымъ словамъ въ предисловіи къ этому выпуску, „только косвенную цѣль закончить изложеніе общихъ логическихъ теорій разъясненіемъ логическаго смысла терминовъ анализъ и синтезъ“; но и это дѣлается лишь съ полемической цѣлью, именно въ виду того, что „учепые, мало знакомые, какъ говоритъ авторъ въ томъ же предисловіи, съ современною обработкою логики, часто предполагаютъ, что эта наука, не коснувшись методовъ анализа и син-

теза, не касается самой сущности своего предмета". Самая „логика психологии“ имѣеть по преимуществу, психологическій интересъ и должна быть разсматриваема въ связи съ психологическими сочиненіями автора тѣмъ болѣе, что самое существенное въ ней представляеть частью сокращеніе, частью выписку изъ другаго сочиненія автора „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“. Поэтому мы остановимся на общихъ логическихъ ученіяхъ, изложенныхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Учебника“ и въ „Элементахъ“.

Какъ показывается уже сдѣланный краткій очеркъ этихъ ученій, „Учебникъ логики“ проф. Троицкаго значительно отличается отъ большинства другихъ системъ и руководствъ по этой наукѣ у насъ частью по нѣкоторымъ изъ проводимыхъ въ немъ взглядовъ, частью по принятой въ немъ классификаціи научнаго матеріала.

Различіе во взглядахъ всего болѣе касается двухъ пунктовъ: ученіе объ основаніяхъ убѣжденія въ послѣднихъ послылкахъ знанія и ученіе о понятіяхъ и сужденіяхъ.

Первый изъ этихъ пунктовъ представляетъ особенную важность. Значеніе вопроса объ основаніяхъ убѣжденія въ аксіомахъ далеко переходитъ предѣлы логическаго ученія въ собственномъ смыслѣ: рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ, можно сказать, лежатъ въ основаніи различія направленной философской мысли. Въ своемъ ученіи объ основаніяхъ убѣжденія въ послѣднихъ послылкахъ знанія г. проф. Троицкій вполне ясно и рѣшительно становится на сторону эмпиризма. Впрочемъ чего-нибудь новаго, могущаго послужить къ разъясненію или оправданію эмпиризма, въ „Учебникѣ“ не встрѣчается, хотя, заканчивая первую книгу „Учебника“, авторъ и общался во второй „подвергнуть обстоятельной критикѣ“ живніе противниковъ предлагаемаго имъ ученія. На дѣлѣ въ тѣхъ мѣстахъ второй книги, гдѣ затрогивается этотъ вопросъ (84—85, 100—101, 106, 110—113), мы находимъ лишь или перифразъ, или выписки мнѣній писателей, въ одномъ съ авторомъ направленіи рѣшающихъ спорный вопросъ; притомъ же то сочиненіе важнѣйшаго изъ этихъ писателей, которымъ всего болѣе пользуется авторъ, давно уже переведено на русскій языкъ. Такимъ образомъ въ „Учебникѣ логики“ проф. Троицкаго по вопросу о послѣднихъ послылкахъ знанія мы имѣемъ дѣло съ простою популяризацией эмпиризма, которая, конечно, предметомъ научной критики быть не можетъ.

Что касается ученія о понятіяхъ и сужденіяхъ, имѣющаго интересъ уже исключительно въ области логики, то особенности, какія

представляетъ въ изложеніи этого ученія „Учебникъ“ проф. Тронцкаго, также заимствованы имъ у представителей эмпирическаго направления. Авторъ замѣляетъ обычное ученіе о понятіяхъ и сужденіяхъ ученіемъ о терминахъ въ смыслѣ именъ и о предложеніяхъ. Какое впечатленіе имѣетъ эта замѣна, съ точностію опредѣлить я затрудняюсь. Выгоду замѣнить анализъ сужденій, а съ нимъ и понятій, анализомъ предложеній и терминовъ самъ авторъ главнымъ образомъ находитъ въ томъ, что въ именахъ и предложеніяхъ точнѣе очерчиваются предѣлы утвержденій и отрицаній, составляющихъ смыслъ ихъ (Уч. 79, 107). „Если предложенія, какъ говорятъ, выраженные сужденія, то почему же“—спрашиваетъ онъ—, не изучать ихъ тогда, когда они выражены или представлены предложеніями? Ничего не теряя для нашего анализа предложеній какъ сужденій, мы выигрываемъ при этомъ, но меньшей мѣрѣ, въ ясности и точности предмета обработки“. Отсюда, по видимому, слѣдуетъ заключать, что истиною цѣлью, дѣйствительною задачею своего ученія о предложеніяхъ, онъ ставитъ уясненіе сужденій или „утвержденій и отрицаній“, какъ мыслительныхъ актовъ, и обращается къ предложенію не потому, чтобы оно въ качествѣ словеснаго выраженія мыслительнаго акта представляло для логики какой-либо самостоятельный интересъ, а потому лишь, что логическій актъ сужденія по какимъ бы то ни было причинамъ оказывается болѣе опредѣленнымъ, а слѣдовательно, и болѣе доступнымъ анализу, когда находитъ для себя словесное выраженіе. Такимъ образомъ на предложеніе, по видимому, проф. Тронцкій смотритъ какъ на тотъ благопріятный для изслѣдователя случай, при коемъ всего удобнѣе сдѣлать анализъ акта мысли, въ которомъ полагается вся сущность дѣла, и который, правда, соединенъ съ предложеніемъ, но по крайней мѣрѣ мысленно можетъ быть отвлеченъ отъ него. Однако, если онъ дѣйствительно такъ именно понимаетъ свое ученіе о предложеніяхъ, то ему слѣдовало высказать это ясно и опредѣленно, чего онъ однако нигдѣ не дѣлаетъ. Тогда, мнѣ кажется, и трактаты его о предложеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и та роль, какую играетъ терминъ „предложеніе“ во всемъ его „Учебникѣ Логики“, должны бы измѣниться. Тогда въ трактатахъ, имѣющихъ дѣло съ предложеніями, всюду должно бы ставиться на видъ, что изслѣдуются свойства, виды и ир-сужденій, а не предложеній; въ его же изложеніи дѣло ведется такъ, какъ будто цѣль этихъ трактатовъ и состоитъ въ анализѣ предложенія, въ изученіи его свойствъ, его видовъ и пр. Точно также и

при разъясненіи высшихъ познавательныхъ процессовъ никогда не должно бы было опускать изъ виду, что въ предложеніи, а лишь мыслительному акту, въ немъ выраженному, принадлежатъ то значеніе, которое авторомъ обычно и безъ оговорокъ приписывается предложенію. Однимъ словомъ, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что если проф. Троицкій такъ именно повинаетъ свое ученіе о предложеніяхъ, какъ выше разъяснено, то все изложеніе его „Учебника“ не только не при способлено достаточно къ правильному уразумѣнію его мысли, но и даетъ много примыхъ поводовъ къ ошибочному ея истолкованію. Если же онъ думаетъ иначе, то-есть, если онъ думаетъ, что сущность дѣла не въ сужденіи, какъ чисто мыслительномъ актѣ, а въ предложеніи, какъ сужденіи, выраженномъ словами; если въ его трактатахъ о предложеніи не ставится цѣлью разъясненіе лишь мыслительнаго акта, а анализъ предложенія, именно какъ предложенія, имѣетъ въ его глазахъ самостоятельный логическій интересъ; если наконецъ онъ думаетъ, что и въ высшихъ мыслительныхъ актахъ логическое значеніе имѣетъ не одна сторона только предложенія, не мыслительный только актъ, въ немъ выразившійся, но и самое выраженіе этого акта, то онъ несомнѣнно отстаетъ отъ логиковъ, трактующихъ не о предложеніи, а о сужденіи, много болѣе, чѣмъ предполагаетъ. Въ такомъ случаѣ весь вопросъ нельзя уже свести къ тому, изучать ли сужденія на предложеніяхъ или въ отвлеченіи отъ нихъ и нельзя сослаться на сравнительное удобство изученія предложений сравнительно съ изученіемъ суждений: логика должна изслѣдовать не то, что кажется болѣе удобнымъ для изслѣдованія, а то, что составляетъ ея дѣйствительную задачу. Для такого рода замѣны ученія о сужденіяхъ ученіемъ о предложеніяхъ едва ли можно и вообще найти серьезное основаніе. Въ какой бы психологической связи ни стояли сужденія съ предложеніями, какое бы рѣчь не имѣла значеніе для опредѣленности мысли, очевидность, которая составляетъ, по ученію проф. Троицкаго, предметъ логики, я ея логическія, а не психологическія условія, всегда состоятъ и будутъ состоятъ въ свойствахъ и отношеніяхъ мыслительныхъ процессовъ, а не ихъ выраженій въ словѣ. Я не имѣю права утверждать, чтобы авторъ „Учебника“ отрицалъ это; но если онъ этого не отрицаетъ, то не могу не признать, что все ученіе его о предложеніяхъ, а равно и та роль, какую играетъ предложеніе во всей его книгѣ, показываютъ, что онъ недостаточно взвѣсилъ значеніе этого обстоятельства.

Въ основаніи классификаціи ученій, входящихъ въ составъ пер-

ныхъ двухъ частей логики, въ „Учебникѣ Логикѣ“ проф. Троицкаго лежитъ мысль о противоположности выводовъ индуктивныхъ и дедуктивныхъ. Эта мысль въ литературѣ по логикѣ встрѣчается часто. За особенность „Учебника“ нужно счесть, во первыхъ, то, что противоположность дедуктивныхъ и индуктивныхъ выводовъ ставится здѣсь основаніемъ дѣленію не ученія о выводахъ только, а всей логики, и повторытъ, то, что ученіе объ индуктивныхъ выводахъ переходитъ здѣсь въ логику началъ.

Превращеніе дѣленія выводовъ въ раздѣленіе всей логики замѣщено проф. Троицкимъ отъ представителей того же направленія, которое онъ проводитъ послѣдовательно, хотя въ какой-нибудь необходимой связи съ основною мыслию этого направленія оно и не стоитъ. Оно завязано отъ взгляда на логику, сущность которой сводится къ ученію о выводахъ или, точнѣе, о доказательствахъ. Отожествленіе логики съ ученіемъ о доказательствахъ, по видимому, грозитъ лишитъ ее части ея содержанія. На дѣлѣ эта опасность не такъ значительна, какъ это представляется съ перваго взгляда. Изъ обычно входящихъ въ содержаніе логики ученій исключается лишь ученіе о методахъ снѣтетическомъ и аналитическомъ; но авторъ руководится при этомъ особыми соображеніями, которыя и разъясняются въ первомъ выпускѣ третьей части его „Учебника“, въ главѣ о логикѣ геометріи. Ученія же не только объ опредѣленіи (а съ нимъ и классификаціи), но и о понятіи и сужденіи или, говоря языкомъ автора, о терминахъ и предложеніяхъ входятъ все же въ составъ науки вслѣдствіе связи своей съ ученіемъ о выводахъ. Такимъ образомъ со стороны полноты входящаго въ науку, по крайней мѣрѣ важнѣйшаго матеріала, различіе рассматриваемаго „Учебника Логикѣ“ отъ другихъ подобныхъ сочиненій незначительно; измѣняется лишь распредѣленіе этого матеріала по отдѣламъ науки. Перемены въ размѣщеніи матеріала, конечно, дѣло второстепенной важности, однако все же нельзя не обратить вниманія на одну изъ нихъ, именно на то мѣсто, какое дается въ „Учебникѣ“ ученію о терминахъ и предложеніяхъ. Отдѣлъ, трактующій о терминахъ и предложеніяхъ, отнесенъ здѣсь къ логикѣ дедукціи на томъ основаніи, что ученіе о нихъ необходимо „въ цѣляхъ изученія свойствъ дедуктивнаго доказательства“. Авторъ, мнѣ кажется, недостаточно при этомъ принялъ во вниманіе, что его „логика началъ“ предполагаетъ предварительный анализъ, говоря его языкомъ, предложеній, а съ ними и терминовъ никакъ не менѣе чѣмъ и „логика дедукціи“. Опредѣленія и законы природы рассма-

триваються въ „логікѣ началъ“ какъ предложенія; всѣ процессы индуктивнаго доказательства также совершаются въ предложеніяхъ; слѣдовательно, понятіе о предложеніи всюду предполагается. Опредѣленія отличаются отъ законовъ природы какъ предложенія словесныя отъ реальныхъ, слѣдовательно, предполагается ученіе о различіи между словесными и реальными предложеніями. Въ ученіи объ опредѣленіи говорится объ опредѣленіи посредствомъ рода и разницы; законы природы различаются по объему и содержанію; индукція опредѣляется какъ заключеніе отъ частнаго къ общему (то-есть, отъ частныхъ предложеній къ общимъ?) и т. п.; все это слишкомъ очевидно предполагаетъ предварительное ученіе объ объемѣ и содержаніи терминовъ и о видахъ предложеній. Въ интересахъ логической правильности классификаціи автору слѣдовало выдѣлить ученіе о терминахъ и предложеніяхъ изъ трактата о дедукціи и придать ему значеніе или особой части логики, или, по крайней мѣрѣ, общаго введенія къ двумъ (вѣроятно—и во всѣхъ трехъ) частямъ ея, логикѣ дедукціи и логикѣ началъ.

Мысль превратить логику индукціи въ логику началъ принадлежитъ самому проф. Троицкому. Однако, несомнѣнно, она могла возникнуть только подъ вліяніемъ убѣжденія, что всѣ не доказуемыя дедуктивно реальныя (не словесныя) истины получаютъ индуктивнымъ путемъ; слѣдовательно, и она стоитъ въ тѣсной связи съ основною мыслью философскаго направленія, которое послѣдовательно проводится въ „Учебникѣ“. По видимому, эта замѣна логики индукціи логикой началъ даетъ болѣе стройности логикѣ, построенной на началахъ эмпиризма. Однако нѣкоторые недостатки въ распредѣленіи матеріала оказываются и при этой замѣнѣ. Такъ какъ логика началъ противопоставляется логикѣ дедукціи, то подъ началами, о которыхъ разсуждаетъ логика началъ, автору приходится разумѣть всѣ тѣ, и только тѣ начала, которыя не выводятся дедуктивнымъ путемъ. Это даетъ ему, правда, возможность отнести къ этой части логики ученіе объ опредѣленіяхъ, которыя онъ также считаетъ послылками дедукціи, но въ то же время дѣлаетъ шаткою постановку ученія о законахъ природы, важнѣйшаго содержанія этой части. Законы природы, по сѣ же ученію, получаютъ не индуктивнымъ только путемъ, но и дедуктивнымъ (Уч. 2, 130, 228). Поэтому, если подъ началами разумѣть только тѣ изъ реальныхъ истинъ, которыя или совсѣмъ не подлежатъ дедукціи, или еще не подверглись ей, какъ и самъ авторъ поясняетъ значеніе этого термина (Уч. 2, 5), то общее

ученіе о законахъ природы, ихъ видахъ и пр., очевидно, теряетъ право быть отнесеннымъ къ этой части логики, а должно, подобно ученію о сужденіяхъ, занять особое положеніе въ системѣ. Только благодаря неопредѣленности общаго заглавія этой части, то-есть, только благодаря тому обстоятельству, что съ терминномъ „начала“ легко соединяется мысль о посылкахъ дедукціи вообще, а не о тѣхъ только, которыя не получаютъ дедуктивнымъ путемъ, введеніе общаго ученія о законахъ природы въ „логику началъ“ получаетъ видъ законности.

Отъ автора, который смѣло идетъ на встрѣчу реформѣ логики и не расположенъ стѣсняться традиціонными взглядами, можно было бы ожидать, что онъ тщательно взвѣситъ достоинство и недостатки того довольно обычнаго противоположенія между выводами дедуктивными и индуктивными и того сведенія всѣхъ выводовъ къ этому противоположенію, которыя лежатъ въ основаніи его общей классификаціи выводовъ. Ожидать этого было бы, казалось, тѣмъ болѣе естественно, что на эти недостатки существовали уже указанія въ литературѣ науки. Ставилось ииенно на видъ, что противоположность дедукціи и индукціи не обнимаетъ всѣхъ выводовъ: математическіе выводы на основаніи общихъ аксіомъ равенства только насильственно могутъ быть втѣснены въ рамки силлогистическихъ формулъ. Ставилось также на видъ, что самое противоположеніе дедуктивныхъ выводовъ къ индуктивнымъ не можетъ быть толкуемо, какъ это часто бываетъ, въ смыслѣ противоположенія между всѣми силлогистическими выводами, съ одной стороны, и всѣми тѣми выводами, которые обыкновенно называются индуктивными—съ другой. Въ „Учебникѣ логики“ проф. Троицкаго можно находить, правда, указанія на отношеніе автора къ взглядамъ такого рода, но не видно, чтобы онъ достаточно взвѣсилъ значеніе этихъ взглядовъ.

Онъ готовъ признать, что теорія дедукціи обнимаетъ не всѣ реальныя умозаключенія, состоящія, подобно силлогизму, изъ трехъ предложеній (Уч. 1. 105). Онъ готовъ признать, что не обнимаемая этою теоріей умозаключенія основываются на корреляціи понятій подобно силлогизму, съ тѣмъ лишь различіемъ отъ послѣдняго, что здѣсь въ основаніи вывода лежитъ не корреляція подчиненія какъ въ силлогизмѣ, а корреляція другаго рода (Уч. 1. 106—107). Но, различая затѣмъ два возможные вида корреляціи, не тождественной съ подчиненіемъ, тождество или равенство и относительность, онъ соглашается признать реальность только выводовъ на основаніи относительности (отъ большаго къ большему), которые имѣютъ мало зна-

ченія, и рѣшительно отказывается признать реальность умозаключеній на основаніи равенства. „Умозаключенія тождества и равенства“, говорятъ опт.,—„если только они являютя въ формѣ уравненій, должны рассматриваться какъ дедукціи мнимыя,—какъ раскрытіе смысла данныхъ предложеній или формулъ per substitutionem, то-есть, посредствомъ замѣщенія“ (Уч. 1, 197). Что же касается дѣйствительно реальныхъ дедукцій равенства, какія обыкновенны въ геометріи, то они идутъ, по мнѣнію автора, не по формулѣ, отрицаемой имъ, а по первой фигурѣ силлогизма—отъ общаго къ частному (Уч. 1. 169). Раскрытіе же смысла предложеній per substitutionem, въ которомъ относитъ проф. Троицкій выводы на основаніи равенства, понимается имъ какъ простая замѣна въ предложеніи одного имени другимъ, или однихъ именъ другими (Уч. 1. 138). Такимъ образомъ выходитъ, что огромный классъ выводовъ по формулѣ $A = B, B = C,$ слѣд. $A = C,$ который грозилъ разрушить привычныя рамки ученія о выводахъ, отрицается проф. Троицкимъ на томъ простомъ основаніи, что, по его мнѣнію, сужденіе $A = B$ и сужденіе $A = C$ въ этихъ выводахъ нисколько не различаются по смыслу одно отъ другаго, такъ какъ B и C суть только два различныхъ названія одной и той же вещи. Я не знаю, обратилъ ли онъ при этомъ вниманіе на другую свою же собственную мысль, которую не разъ онъ высказываетъ, когда говоритъ объ аксіомахъ; а между тѣмъ слѣдуетъ эту мысль съ высклапшимъ сейчасъ взглядомъ было бы не безполезно. Математическая аксіома „двѣ вещи равныя той же третьей равны между собою“ признается у него въ ученіи объ аксіомахъ реальною (а не словесною) истиною; это значитъ, что равенство двухъ вещей одной и той же третьей (субъектъ аксіомы) и равенство ихъ между собою (предикатъ аксіомы), по его мнѣнію, не одинъ и тотъ же фактъ, выраженный только разными словами, а два различныхъ факта. Обозначимъ теперь понятія, о которыхъ говоритъ аксіома, символически математическими знаками. Равенство двухъ вещей третьей символически обозначится такъ: $A = B$ и $C = B,$ равенство ихъ между собою обозначится такъ: $A = C.$ Мысль автора, что эта аксіома содержитъ въ себѣ реальную истину, будетъ, очевидно, означать, что сужденіе $A = C$ содержитъ въ себѣ новую мысль, которая не только не тождественна съ сужденіемъ $A = B,$ но не тождественна даже съ двумя сужденіями $A = B$ и $C = B.$ Теперь спрашивается: какъ согласить это съ ученіемъ автора, что выводы равенства, выражаемые уравненіями, суть только раскрытіе смысла одного и того же предложенія per substitu-

tionem, то-есть, простая замѣна однихъ названій другими? Такъ ли нужно понимать это ученіе проф. Троицкаго, что онъ признаетъ, правда, сужденіе „двѣ вещи равныя одной и той же третьей, равны между собою“ за реальную истину, но отказывается въ то же время въ сужденіи „двѣ вещи А и В, равныя одной и той же С, равны между собою“ видѣть реальную истину? Или, можетъ быть, онъ полагаетъ, что хотя и можно уравнивать вещи другимъ вещамъ и факты другимъ фактамъ, по математикѣ или кто бы то ни было, какъ скоро чрезъ уравниванія желаетъ получить выводы, теряетъ право или способность подъ уравниваемыми величинами понимать различные предметы или факты, и обязательно или съ какою-нибудь роковою необходимостью разумѣетъ подъ ними одинъ и тотъ же предметъ, только обозначенный разными знаками? Не считая себя въ правѣ отвѣтить на этотъ вопросъ за автора „Учебника Логики“, я не могу не прибавить, что не совсѣмъ ясно понимаю и мысль проф. Троицкаго относительно декукціи равенствъ въ геометріи, которыя онъ признаетъ реальными. Неоспоримо, конечно, что часто геометръ равенство двухъ опредѣленныхъ величинъ выводитъ изъ болѣе общихъ положеній, не обращаясь къ выводу по формулѣ: $A=B$, $B=C$, слѣд. $A=C$. Но не оспоримо также и то, что въ геометріи встрѣчаются и ряды равенствъ, подобные сейчасъ указанному. И я неясно понимаю, какъ толкуетъ проф. Троицкій выводы этого послѣдняго рода. Думаетъ ли онъ, что эти равенства при выводахъ такого рода всегда не реальны, что подобныя сопоставленія равенствъ представляютъ простую substitutionem въ смыслѣ простой замѣны однихъ терминовъ другими? Но мнѣ кажется, встрѣчаются случаи, гдѣ такое предположеніе не могло бы имѣть и тѣни истины. При доказательствѣ, напримеръ, Пиагоровой теоремы сначала, какъ извѣстно, дѣлится квадратъ, построенный на гипотенузѣ на два прямоугольника перпендикулярномъ, опущеннымъ изъ прямиаго угла треугольника, и устанавливается равенство каждаго изъ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ прямоугольнаго треугольника съ ближайшимъ къ нему изъ этихъ двухъ прямоугольниковъ. Это равенство доказывается по существу слѣдующимъ образомъ: квадратъ уравнивается вдвойнѣ взятому треугольнику, извѣстнымъ образомъ построенному; прямоугольникъ уравнивается вдвойнѣ взятому другому, также извѣстнымъ образомъ построенному, треугольнику; эти треугольники уравниваются другъ другу, и изъ этихъ трехъ установленныхъ равенствъ наконецъ выводится равенство квадрата съ прямоугольникомъ, такъ что этотъ по-

слѣдній выводъ можно формулировать такъ: A (квадратъ, построенный на одномъ изъ катетовъ) $= 2B$ (извѣстный треугольникъ), $2B = 2C$ (другой треугольникъ), $2C = D$ (прямоугольникъ, составляющій часть квадрата, построеннаго на гипотенузѣ) слѣд., $A = D$. Кто разсматриваетъ уравниваемыя въ этомъ выводѣ величины, тому нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ уясненію какихъ-либо тонкихъ различій между ними; отъ него не требуется никакой тонкости мысли для того, чтобы призвать сравнимыя величины не различными только именами одного и того же предмета, а различными именами или фактами: сравниваемыя въ этомъ выводѣ величины на чертежѣ, правда, совпадаютъ одна съ другою нѣкоторыми изъ своихъ частей, но ни одна не совпадаетъ съ другою на всемъ протяженіи, не говоря уже о томъ, что три изъ нихъ разнятся другъ отъ друга даже и по своей формѣ. Слѣдовательно, о выводѣ per substitutionem здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Можетъ быть впрочемъ, проф. Троицкій не отрицаетъ, что въ такихъ случаяхъ въ геометріи уравниваемыя величины не представляютъ только различныя наименованія одной и той же вещи, а каждая означаетъ особую вещь, особый фактъ. Признавая выводы изъ такихъ равенствъ за выводы по первой фигурѣ силлогизма, онъ, можетъ быть, думаетъ, что въ умозаключеніяхъ такого рода, кромѣ этихъ частныхъ уравнений всегда подразумѣвается нѣкоторое общее положеніе (напримѣръ, самая аксіома равенства), которое единственно и дѣлаетъ выводъ возможнымъ и превращаетъ его въ заключеніе отъ общаго къ частному, то-есть, въ заключеніе по первой фигурѣ силлогизма. Но тогда, нѣтъ вѣжества, постановка вопроса должна была бы уже нѣсколько измѣниться. Отрицать выводы, выражаемые въ формѣ уравненій, слѣдовало бы тогда уже не потому, что они представляютъ простое раскрытіе смысла предложенія per substitutionem, то-есть, не даютъ новой мысли, а по совершенно обратной причинѣ, именно—что выводимая изъ нихъ мысль такъ далека отъ посылокъ, что чрезъ однѣ эти послылки она и установлена даже быть не можетъ, а нуждается еще въ особомъ общемъ положеніи для этой установки. Является при этомъ и другое, еще болѣе важное недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить въ такомъ случаѣ, что авторъ пріиаетъ независимыми отъ теоріи силлогизма, слѣдовательно, не сводимыми къ первой фигурѣ и тѣмъ не менѣе реальными выводы, называемые имъ выводами по относительности, напримѣръ, а fortiori, то-есть, отъ большаго къ большому? Если выводъ $A = B$, $B = C$, слѣд., $A = C$ нуждается въ прибавкѣ общаго положенія, которое должно превратить его въ выводъ по первой

фигурѣ, то почему не вуждался бы въ соответствующемъ общемъ положеніи выводъ: $A < B$, $B < C$, слѣд., $A < C$? Думаетъ ли авторъ, что изъ сужденій $A = B$ и $B = C$ съ меньшей очевидностью слѣдуетъ, что $A = C$, чѣмъ изъ сужденій $A < B$, $B < C$ слѣдуетъ, что $A < C$? Этого я не рѣшаюсь предположить между прочимъ и потому, что тогда вѣдь вышло бы, что аксіому: „двѣ вещи, равныя той же третьей, равны между собою“ слѣдовало бы признать менѣе очевидною, чѣмъ положеніе: „большее большаго еще больше“, а между тѣмъ авторъ первую, а не второе, отнесъ къ числу двухъ математическихъ аксіомъ не выводимыхъ изъ другихъ вѣщъ, слѣдовательно, призналъ очевиднѣе всѣхъ другихъ.

Авторъ „Учебника логики“ понимаетъ подъ противоположностію дедукціи и индукціи противоположность силлогизма и индукціи; силлогизмъ, какъ выводъ отъ общаго къ частному, онъ противопоставляетъ индуктивному выводу, какъ выводомъ отъ частнаго къ общему (Учебн. 1. 154.2. 135); онъ осмарииваетъ мнѣніе тѣхъ, которые не вносятъ въ понятіе силлогизма признака дедуктивности, то-есть, не характеризуютъ его какъ заключеніе отъ общаго къ частному (Уч. 1.160). Передъ нимъ изъ такомъ случаѣ долженъ былъ возникнуть вопросъ, такъ уже обсуждавшійся въ литературѣ науки: какъ примирить съ такимъ взглядомъ третью фигуру силлогизма? Въ ней заключеніе бесспорно идетъ отъ частнаго факта; выводъ, правда, не получается въ формѣ общаго сужденія, но все же субъектомъ выводнаго сужденія служитъ родовое понятіе, взятое только не въ полномъ своемъ объемѣ, какъ это бываетъ въ популярной индукціи, а лишь въ части этого объема. Къ индукціи эта фигура, очевидно, ближе, чѣмъ къ дедукціи. Авторъ прямо нигдѣ не ставитъ этого вопроса; косвенный отиѣтъ на него можно, впрочемъ, видѣть изъ томъ, что всѣ фигуры силлогизма, кромѣ первой, называются несовершенными. Спорить о томъ, называть ли ихъ совершенными или несовершенными, мнѣ не кажется полезнымъ для дѣла. Пусть онѣ не совершенны, и все же остается фактомъ, что третья фигура ни въ какомъ случаѣ не есть заключеніе отъ общаго къ частному, и если дедукція есть выводъ отъ общаго къ частному, значитъ, къ дедукціи она не относится. Почему же она отнесена къ дедукціи? Конечно, потому, что болѣе удобнаго мѣста для нея не нашлось при классификаціи выводовъ по извѣстному плану. Но это доказываетъ только, что принятая авторомъ, по примѣру другихъ, классификація выводовъ неудовлетворительна.

Такъ-называемую научную индукцію, то-есть, опытные доказательства причинной связи между явлениями, авторъ отвоситъ къ выводамъ отъ частнаго къ общему. Въ литературѣ науки высказывались основанія, по которымъ ихъ нельзя причислить къ выводамъ такого рода, хотя и къ дедукціи, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее авторъ, по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію, нѣкоторые изъ нихъ также отнесены быть не могутъ. Авторъ на эти возраженія отвѣчаетъ прямо. И хотя при этомъ отпѣтъ онъ имѣетъ въ виду исключительно противоположность между дедукціей и индукціей, однако, если смотрѣть на дѣло даже и съ этой точки зрѣнія, все же его возраженія показываютъ, что должнаго вниманія и на этотъ вопросъ онъ не обратилъ. Онъ не отрицаетъ, что опытные доказательства причинной связи въ логикѣ получаютъ дедуктивную форму, но онъ полагаетъ, что это „требуется не для ихъ очевидности, а для логическаго объясненія послѣдней“ (Уч. 2. 190). Казалось бы, что, если доказательство дѣйствительно имѣетъ очевидность, и именно въ качествѣ индуктивнаго доказательства, то и логическое объясненіе этой очевидности должно бы быть объясненіемъ очевидности его именно какъ индуктивнаго доказательства; казалось бы, что, превращая его для объясненія его очевидности въ дедуктивное доказательство, логика объясняетъ уже не ту очевидность, которая присуща ему, какъ индуктивному доказательству, а очевидность другой формы доказательства и, слѣдовательно, косвенно признаетъ, что у него, какъ индуктивнаго доказательства, такой очевидности, которая могла бы быть логически объяснена, не имѣется. Но проф. Троицкій, очевидно, думаетъ иначе. Однако, обратимся къ вопросу: какъ же именно онъ доказываетъ, что опытные доказательства причинной связи явленій индуктивны? Онъ приводитъ въ подтвержденіе этой мысли три основанія. Во-первыхъ, „истина научнаго наведенія“, говоритъ онъ, -- „то-есть, какой-нибудь законъ причинепіл, ставится предварительно, обыкновенно, на основаніи одного какого-нибудь случая, то-есть, бываетъ заключеніемъ къ закону природы отъ частнаго случая“. Я не могъ понять, какъ этотъ аргументъ относится къ дѣлу. Г. Троицкій, конечно, знаетъ, что вопросъ идетъ не о предварительномъ предположеніи, возникающемъ на основаніи одного какого-нибудь случая, а объ опытномъ доказательствѣ закона, котораго состоятельность исключительно зависитъ отъ того, отвѣчаетъ или не отвѣчаетъ оно опредѣленному правилу того метода, по которому оно ведется. Нужно полагать, что не установка только того или другаго фязиче-

скаго закона, но и изобрѣтеніе доказательства той или другой геометрической теоремы предварялось предположеніями ея истинности, основывавшимися иногда, вѣроятно, и на частныхъ случаяхъ, ее подтверждавшихъ; едва ли, напримѣръ, первый изобрѣтатель Пифагоровой теоремы приступилъ бы къ изысканію ея доказательства, еслибы совсѣмъ не имѣлъ основаній предполагать ея истинности. Но я не знаю, чтобы кому-нибудь приходило на мысль ставить вопросъ о формулѣ этого доказательства въ зависимость отъ характеристическихъ чертъ тѣхъ основаній, которыя могли послужить поводомъ къ его изобрѣтенію. Основанія, которыя заставляютъ сдѣлать первоначальное предположеніе объ извѣстномъ законѣ причинной связи, могутъ быть даже на столько вѣскими, что сами могутъ быть принимаемы за особое доказательство этого закона, хотя и не рѣшительное; но и въ такомъ случаѣ, будетъ ли это особое доказательство индуктивнымъ или дедуктивнымъ, мнѣ представляется пѣсколько смѣлымъ и оригинальнымъ судить по немъ о томъ доказательствѣ этого закона, которое изыскиваетъ спеціалистъ, увѣрившись въ вѣроятности сдѣланнаго имъ предположенія. Впрочемъ и самая мысль, будто предварительное предположеніе о законѣ есть индуктивный выводъ на основаніи одного частнаго случая, хотя она и нерѣдко встрѣчается, все же представляется мнѣ одною изъ тѣхъ мыслей, которыя кажутся основательными лишь съ перваго взгляда, ровно до тѣхъ поръ, пока не найдя повода всмотрѣться въ нихъ повнимательнѣе. Каждому явленію предшествуетъ огромное количество явленій, и если спеціалистъ останавливается на одномъ изъ послѣднихъ, какъ на вѣроятной его причинѣ, если онъ сужденіе: „Явленіе В предшествуетъ явленію А“ превращаетъ въ вопросъ: „В не есть ли причина А“, то-есть, его постоянное предшествующее,—то конечно, уже не на томъ только основаніи, что первое въ давномъ случаѣ предшествовало послѣднему, такъ какъ то же онъ могъ утверждать на томъ же основаніи объ огромномъ количествѣ другихъ явленій, которыя также въ этомъ случаѣ предшествовали явленію А. Ясно, что его вниманіе поразили какія-либо преимущества, какія имѣетъ В сравнительно съ другими явленіями, также предшествовавшими явленію А. Но оцѣнка этихъ преимуществъ есть результатъ очень многихъ общепій, сдѣланныхъ имъ на основаніи очень разнообразныхъ прежнихъ наблюденій не только общаго характера, но и спеціальныхъ. Ясно, что его предварительный выборъ явленія В изъ массы другихъ явленій есть результатъ очень сложнаго процесса, характеръ кото-

раго съ точностью опредѣлить будетъ даже потрудитѣ, чѣмъ опредѣлить характеръ довольно однообразныхъ, а слѣдовательно, болѣе доступныхъ точному формулированію научныхъ доказательствъ причинной связи. Поэтому ссылка на предварительное предположеніе не только не относится къ дѣлу, но и показываетъ слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ тому, что представляется на первый взглядъ. Второе основаніе для своего мнѣнія ищетъ проф. Троицкій въ томъ, что при опытныхъ доказательствахъ причинной связи проверка сдѣланнаго предположенія, то-есть, то, что въ собственноиъ смыслѣ называется доказательствомъ, „приводитъ не къ частности, а къ общему, или болѣе общему предположенію, и опирается на частные случаи или факты, сгруппированные известнымъ образомъ“. Сила этого аргумента заключается, конечно, не въ томъ, что въ выводѣ получается общее положеніе или законъ: общія положенія или законы могутъ выводиться и дедуктивно. Она заключается также и не въ томъ, что въ послѣдкахъ встрѣчаются указанія на частные факты: указаніе на частный фактъ можетъ содержать въ себѣ меньшая послѣдка даже и въ первой фигурѣ силлогизма. Смыслъ аргумента состоитъ, конечно, въ томъ, что сужденія, которыя служатъ послѣдками при опытныхъ доказательствахъ причинной связи, оказываются болѣе частными, чѣмъ то сужденіе, которое изъ нихъ выводится, а такое именно отношеніе между послѣдками и заключеніемъ составляетъ характеристическую черту индукціи. Чтобы этотъ аргументъ имѣлъ силу, нужно, очевидно, предположить, что при опытныхъ доказательствахъ причинной связи выгодное сужденіе: „В есть причина А“, или „В есть постоянное и неизмѣнное предшествующее А“ получается въ качествѣ обобщенія болѣе частнаго сужденія: „В въ данномъ случаѣ есть предшествующее А“. Но это предположеніе не справедливо. При каждомъ опытномъ доказательствѣ причинной связи каждое событіе разсматривается какъ подчиненное закону причинности, то-есть, какъ событіе, имѣющее въ числѣ предшествующихъ ему событій свою причину, которая понимается какъ такое событіе или такіа событія, за которыми оно слѣдуетъ постоянно и неизмѣнно. Поэтому при выводѣ сужденія: „В есть постоянное и неизмѣнное предшествующее А“ послѣдкой служитъ ивзакъ не сужденіе: „В въ данномъ случаѣ предшествуетъ А“, а сужденіе: „какое-нибудь или какія-нибудь изъ предшествующихъ въ данномъ случаѣ событію А событій В, С, D, E, F и пр. непременно должны быть постоянными и неизмѣнными его предшествующими“. Конечно, это по-

слѣднее сужденіе отличается отъ выводнаго сужденія: „В есть постоянное и неизмѣнное предшествующее А“. Но оно отличается отъ него не какъ болѣе частное отъ болѣе общаго, а какъ менѣе определенное отъ болѣе определеннаго. Чтобы превратить первое сужденіе въ послѣднее, нужно только выдѣлить изъ совокупности событий В, С, D, E, F и пр., между которыми неопредѣленно полагается причина событія А, тѣ событія, которыя не составляютъ причины событія А. Это выдѣленіе совершается частью при помощи дедукцій, частью при помощи особыхъ методовъ, близкихъ къ математическимъ (какъ, напримѣръ, это бываетъ въ доказательствѣ по методу остатковъ), но никакъ не чрезъ обобщеніе частныхъ сужденій, для котораго, очевидно, здѣсь нѣтъ мѣста, какъ скоро частный случай рассматривается какъ подчиненный закону причинности, то-есть, какъ скоро сужденіе о простой послѣдовательности событій другъ за другомъ во времени превращено въ сужденіе о причинной связи между ними, хотя и неопредѣленно поставленной. Въ качествѣ третьяго основанія своего мнѣнія проф. Троицкій высказываетъ приведенную уже выше мысль, что преобразование опытныхъ доказательствъ въ дедукцію требуется не для ихъ очевидности, а только для логическаго объясненія этой очевидности. А что дедуктивная форма не нужна для самой очевидности опытнаго доказательства, это раскрывается авторомъ такъ: „когда они (то-есть, опытные доказательства)“, говоритъ онъ,—„дѣлаются спеціальными, очевидность ихъ не зависитъ отъ аксіомы причинности: очевидность здѣсь есть дѣло фактовъ“..... „Узнаваніе“ отдѣльнаго случая причинной связи „совершается и безъ научнаго определенія причинной связи на основаніи одного практическаго знакомства съ ея признаками, и въ немъ нѣтъ никакого реального умозаключенія“ (Учебн. 2. 189—190. Однако, все это не совсѣмъ такъ, какъ думаетъ авторъ. Непосредственною послѣдкой каждаго строгаго опытнаго доказательства причинной связи служить, правда, не аксіома причинности, но никакъ и не фактъ, а мысль, что событіе А въ числѣ своихъ предшествующихъ В, С, D, E, F и т. д. должно имѣть свое постоянное и неизмѣнное предшествующее. Болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы спеціалистъ, приступая къ изслѣдованію причины явленія А по одному изъ опытныхъ методовъ, не былъ убѣжденъ, что это явленіе должно имѣть причину между своими прецедентами. Во всякомъ случаѣ изъ того, что ни С, ни D, ни E, ни F и т. д. не могутъ быть причинами А, только для того спеціалиста можетъ быть дѣйствительно очевидно, что В есть при-

чина А, который убежденъ, что А должно имѣть причину между предшествующими ему явлениями. Конечно, можно возбудить дальвѣйшій вопросъ: какимъ же именно методомъ получается самая эта послыка: „А должно имѣть свою причину между В, С, D, E, F и т. д.“? Но рѣшеніе этого вопроса собственно безразлично для характеристики вывода сужденія: „В есть причина А“, подобно тому, какъ безразлично для характеристики вывода о смертности Кал, какимъ методомъ получается общее положеніе о смертности всѣхъ людей. Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ, какъ бы кто ни думалъ о происхожденіи общей аксіомы причинности, едва ли кто станетъ осваривать, что между специалистами въ области естествознанія едва ли можно найдти людей (развѣ въ видѣ рѣдкихъ исключеній), которые не были бы убеждены, что, по крайней мѣрѣ, въ области ихъ специальности нѣтъ явленій, не зависящихъ ни отъ какой причины. А, слѣдовательно, убежденіе ихъ въ зависимости явленія А отъ какого-либо изъ предшествовавшихъ ему событій В, С, D, E, F и т. д. фактически всегда есть выводъ изъ общаго положенія о зависимости всѣхъ явленій известнаго круга отъ причинъ. Само собою понятно, что въ этомъ выводѣ роль меньшей послыки играетъ убежденіе, что событію А предшествовали въ данномъ случаѣ именно эти В, С и т. д. Такимъ образомъ, при объясненіи даже и этого вывода говорить объ очевидности фактовъ можно съ такимъ же правомъ, какъ и при всякомъ силлогизмѣ первой фигуры, то-есть, это значить—говорить нѣчто, не относящееся къ дѣлу. Что же касается до „узнаванія“ отдѣльнаго случая причинной связи, точнѣе сказать, до видѣленія дѣйствительной причины изъ массы предыдущихъ явленій, то по различію самыхъ опытныхъ доказательствъ оно представляетъ различія, которые слѣдовало бы точнѣе апализировать, прежде чѣмъ высказать общую мысль, что „узнаваніе“ совершается на основаніи общаго практическаго знакомства съ признаками причинной связи. Такими общими фразами серьезные вопросы не рѣшаются. Волѣе точное разъясненіе того, какъ представляетъ себѣ это дѣло авторъ, было бы не излишне также и по другой причинѣ. Читатель можетъ недоумѣвать, какимъ образомъ мысль объ индуктивности известнаго доказательства можетъ основываться на томъ, что убежденіе въ причинной связи, основанное на такомъ доказательствѣ, получается чрезъ признаки этой связи. По изложенному авторомъ ученію о дедукціи, какъ будто выходитъ, что подобное убежденіе чрезъ признаки составляетъ характеристическую черту именно дедукціи, а никакъ не индукціи:

признакъ признака есть признакъ самой вещи, есть аксіома силлогизма, а не индукціи.

Мы говорили объ особенностяхъ логическихъ воззрѣній проф. Тронцаго, а также и объ отношеніи его къ вопросамъ, которые сравнительно въ позднѣйшее время подняты были въ литературѣ науки. Все это касается нѣкоторыхъ болѣе общихъ взглядовъ, развитыхъ въ его „Учебникѣ логики“. Большинство же частныхъ логическихъ ученій, содержащихся въ послѣднемъ, или совсѣмъ не отличаются по существу отъ обычныхъ взглядовъ, или допускаютъ различія несущественной важности. Оцѣнка этой детальной разработки матеріала, входящаго въ логику, сводится къ вопросу о достоинствахъ и недостаткахъ изложенія и разъясненія логическихъ ученій. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, „Учебникъ“ проф. Тронцаго имѣетъ нѣкоторыя безспорныя достоинства. Не иначе какъ съ одобреніемъ можно отнести къ заявленію автора въ предисловіи къ „Учебнику“, что онъ стремился „передать съ возможною ясностью одну сущность логическихъ ученій, избѣгая всего излишняго и ненужнаго“. Въ авторѣ „Учебника Логики“ видѣтъ человѣка, освоившагося съ литературой предмета, привыкшаго къ научному систематическому изложенію; литературнымъ языкомъ онъ хорошо владѣетъ и пишетъ ясно.

Но вмѣстѣ съ этими достоинствами въ логическихъ сочиненіяхъ проф. Тронцаго есть и недостатки. Встрѣчаются ошибки при изложеніи логическихъ ученій. Ошибки въ изложеніи общей силлогистической теоріи, можно сказать, изумительны. Разъясняя силлогизмъ на первой фигурѣ, авторъ излагаетъ затѣмъ правила, какъ онъ выражается, „совершенной строгости силлогизмовъ“; затѣмъ слѣдующій параграфъ онъ начинаетъ такими словами: „всѣмъ изложеннымъ правиламъ силлогизма вполне отвѣчаютъ только слѣдующіе четыре типа силлогизма“, и излагаетъ при этомъ четыре правильные модуса первой фигуры (Уч. 1. 179—180); умозаключенія этихъ четырехъ типовъ называются совершенными силлогизмами, какъ удовлетворяющіе всѣмъ правиламъ силлогизма (Уч. 1. 180), а самыя правила называются общими правилами совершенныхъ силлогизмовъ (Уч. 1. 183). На дѣлѣ эти правила суть правила всѣхъ правильныхъ силлогизмовъ всѣхъ четырехъ фигуръ и имѣютъ смыслъ лишь какъ общія правила всѣхъ четырехъ фигуръ, такъ какъ для первой фигуры многія изъ нихъ должны быть выражены иначе, конкретнѣе. Самъ авторъ вслѣдъ за процитованными мѣстами разъясняетъ, что

правильные модусы от неправильных по всем фигурам можно различать, принимал за критерій изложенныя имъ правила (Уч. 1. 183—184). Но при этомъ онъ, по видимому, совсѣмъ не догадывается, что эта послѣдняя мысль прямо противорѣчитъ взгляду на эти правила, только-что высказанному имъ передъ этимъ, всего нѣсколько строкъ выше. Эта странная ошибка кладетъ тѣмъ не менѣе свою печать на самое разъясненіе авторомъ общихъ силлогистическихъ правилъ. Колеблясь въ пониманіи ихъ общаго характера, представляя ихъ, очевидно, въ какой-то особой связи съ правильными модусами первой фигуры, онъ то разъясняетъ какое-нибудь изъ нихъ такъ, что разъясненіе не отвѣчаетъ широкому смыслу правила, обвиняющаго правильные модусы всѣхъ фигуръ, то приводитъ примѣры изъ первой фигуры для объясненія такого случая примѣненія какого-нибудь правила, который явно не приложимъ къ этой фигурѣ. При разъясненіи, на примѣръ, невозможности выпода изъ двухъ отрицательныхъ посылокъ онъ говоритъ (Уч. 1. 175): „въ сплоченіи происходить соединеніе и раздѣленіе двухъ терминовъ даннаго предложенія (S и P) по связи съ третьимъ (M), которая выражается утвержденіемъ или только въ меньшей послылкѣ (S есть M) или въ той и другой (S есть M, M есть P). Слѣдовательно, когда даже и въ меньшей послылкѣ вѣтъ утвержденія, — иначе сказать, когда оба предложенія отрицательны... нельзя вывести изъ нихъ никакого слѣдствія“. Испо, что правило получаетъ толкованіе въ томъ смыслѣ, что меньшая посылка непременно должна быть утвердительна. Но это толкованіе, справедливое въ отношеніи къ первой (и третьей) фигурѣ, не вѣрно въ примѣненіи ко второй; изъ двухъ посылокъ: „всѣ Р суть М“ и: „S не есть М“, мы совершенно законно можемъ заключать, что S не есть Р, хотя меньшая посылка въ этомъ силлогизмѣ, очевидно, есть сужденіе отрицательное. При общемъ разъясненіи правила о необходимости отрицательнаго вывода, когда одна изъ посылокъ отрицательна, авторъ рассуждаетъ по существу дѣла правильно (Уч. 1. 176): „какъ скоро одна изъ посылокъ“, говоритъ онъ, — „бываетъ отрицательною, средній терминъ (M) бываетъ разъединенъ съ однимъ изъ двухъ остальныхъ терминовъ и слѣдовательно не способенъ соединить ихъ, что и должно выразиться отрицательнымъ слѣдствіемъ“. Но тотчасъ же затѣмъ онъ впадаетъ въ ошибку, стараясь для правила во всемъ его объемѣ представить символическіе примѣры по первой фигурѣ. „S не есть М“, говоритъ онъ, — „когда М есть Р, слѣд. S не есть Р. Или: S есть М, но М не есть Р, слѣд.,

S не есть P." Первый изъ этихъ примѣровъ есть невозможный, то-есть, логически неправильный выводъ, такъ какъ первая фигура, какъ это въ другихъ мѣстахъ „Учебника“ справедливо признаетъ и авторъ, совсѣмъ не допускаетъ отрицательной меньшей посылки. Правильнаго символическаго примѣра слѣдовало искать въ формулахъ второй фигуры. Не менѣе странные взгляды, высказываетъ авторъ и объ отношеніи между терминами въ силлогизмахъ второй и третьей фигуръ со стороны объема. Объяснивъ, что средній терминъ въ силлогизмѣ можетъ быть равенъ термину большому по своему объему, и представивъ примѣръ изъ первой фигуры, авторъ замѣчаетъ: „равенство средняго и большаго терминновъ встрѣчается только между совершенными силлогизмами „первой фигуры“. Въ „несовершенныхъ“ силлогизмахъ „второй и третьей фигуры“ встрѣчается равенство большаго и меньшаго терминновъ“. На какомъ основаніи думаетъ авторъ, что равенство средняго и большаго терминновъ встрѣчается только въ первой фигурѣ, я совершенно не понимаю; силлогизмъ: „треугольники, имѣющіе всѣ три угла равныя, имѣютъ и равныя стороны, данный треугольникъ неравностороненъ, слѣдовательно, всѣ углы его не могутъ быть равны“, будетъ силлогизмомъ второй фигуры, а между тѣмъ средній и большій терминны, то-есть, понятія треугольника равносторонняго и треугольника, имѣющаго всѣ три угла равныя, совпадаютъ по объему. Что же касается мысли, будто въ совершенныхъ силлогизмахъ второй и третьей фигуръ встрѣчается равенство большаго и меньшаго терминновъ, то здѣсь ошибка перепла всякіе предѣлы дозволительнаго: во второй фигурѣ заключеніе можетъ быть только отрицательное, а слѣдовательно, о равенствѣ большаго и меньшаго терминновъ по объему не можетъ быть и рѣчи. Очевидно, авторъ объ общей теоріи силлогизмовъ имѣетъ довольно смутное представленіе.

Пользя назвать правильнымъ и объясненію авторомъ одного изъ такъ-называемыхъ непосредственныхъ выводовъ именно *obversio*, по которому, напримѣръ, общеутвердительное сужденіе: „всѣ химическія явленія сопровождаются выдѣленіемъ электричества“ мы можемъ выразить и въ отрицательной формѣ: „нѣтъ такихъ химическихъ явленій, которыя не сопровождались бы выдѣленіемъ электричества“. Общая мысль проф. Троицкаго при разъясненіи этой замѣны одного предложенія другимъ именво, что замѣна получается чрезъ отрицавіе отрицанія (Уч. 1. 141), допустить можно. Но если онъ говорить, что тѣмъ отрицательнымъ предложеніемъ, чрезъ отрицавіе ко-

того получается эта замѣна, служитъ общеотрицательное сужденіе: „никакія химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества“, то это запутываетъ и затемняетъ дѣло. Назвать общеутвердительное и общеотрицательное сужденія отрицаніями другъ друга уже было бы неточностію, которой, впрочемъ, можно бы и не придавать значенія, если нѣтъ повода опасаться перетолкованія. Но связать, что одно изъ нихъ получается чрезъ отрицаніе другого или съ помощію отрицанія другого, употреблять терминъ „отрицаніе“ не въ качествѣ неточнаго названія отрицательнаго сужденія, а для обозначенія самаго процесса, при помощи котораго сужденія не одинаковой качественности переходятъ одно въ другое, и въ то же время считать общими эти сужденія, переходяція одно въ другое, это уже нельзя не назвать сбивчивостію въ представленіи. Отрицая общее сужденіе, мы можемъ получить въ результатъ только частное сужденіе противоположной качественности, а никакъ не общее; а слѣдовательно, и изъ отрицанія общеотрицательнаго сужденія мы можемъ получить только частно-утвердательное сужденіе, все равно въ положительной или отрицательной формѣ. Отрицая сужденіе: „никакія химическія явленія не сопровождаются выдѣленіемъ электричества“, мы чрезъ то еще никакъ не утверждаемъ, что совѣмъ нѣтъ такихъ химическихъ явленій, которыя не сопровождались бы электричествомъ; мы утверждаемъ лишь, что есть такія химическія явленія, которыя сопровождаются электричествомъ или (въ отрицательной формѣ), что въкоторыя химическія явленія нельзя признать не сопровождающимися электричествомъ. Самъ авторъ тотчасъ же за своимъ разъясненіемъ *obversio* (Уч. 1. 144), а также и при разъясненіи закона противорѣчія совершенно справедливо учитъ, что изъ признанія ложности общаго сужденія никакъ не слѣдуетъ истинности общаго же сужденія противоположной качественности. Но равнѣ отращать сужденіе не тоже значить, что признавать его ложнымъ?

Подобная же сбивчивость, но еще болѣе ясно выступаетъ при разъясненіи отношеній авторомъ между сужденіями одной качественности, но отличающимися по количеству, то-есть, между общими и частными. Разъясняя непосредственные выводы чрезъ *conversio*, то-есть, чрезъ перестановку въ сужденіи предиката на мѣсто субъекта и субъекта на мѣсто предиката, проф. Троицкій осцариваетъ право *conversio* частно-утвердительныхъ сужденій (Уч., 151—152). Онъ указываетъ въ доказательство своего мнѣнія на случаи, гдѣ *conversio simplex* частно-утвердительныхъ сужденій ему кажется не применимымъ. „Нѣкото-

рыя простыя тѣла суть металлы. Попробуйте обратить это частное (сужденіе?) чрезъ *conversio simplex*, говорить оны; получимъ: нѣкоторые металлы суть простыя тѣла. Это обратное (сужденіе?), очевидно, ложно. Потому что вѣрно предположеніе: „всѣ металлы суть простыя тѣла“. Если ложность частнаго сужденія выводится авторомъ изъ истинности общаго, то отсюда слѣдовало бы, казалось, что, по его мнѣнію, общее сужденіе исключаетъ частное, и что смыслъ частнаго сужденія оны полагаетъ не въ простомъ отнесеніи предиката къ части извѣстнаго класса предметовъ, но думаетъ, что при этомъ подразумѣвается убѣжденіе въ невозможности относить этотъ предикатъ къ остальной части того же класса предметовъ. Однако, кто сдѣлалъ бы такой, по видимому, несомнѣнный выводъ, изъ процитованныхъ словъ автора, тотъ ошибся бы. Всею страницъ шесть выше цитованнаго мѣста авторъ говоритъ нѣчто другое. Здѣсь, передавая съ видимымъ сочувствіемъ ученіе Аристотеля о противоположныхъ предложеніяхъ и противопоставляя его „позднѣйшимъ любителямъ симметрическихъ чертежей“, оны между прочимъ говоритъ: „что касается до предложеній обще-утвердительныхъ и частно-утвердительныхъ (А и J), и обще-отрицательныхъ и частно-отрицательныхъ (Е и О), то такіа предложенія, вмѣсто того чтобы быть противоположными въ логическомъ смыслѣ слова, или исключать другъ друга, напротивъ, относятся другъ къ другу какъ подчиняющія (subalternantes) и подчиненныя (subalternata)“. Въ совершенномъ соответствии съ этимъ оны о частномъ предложеніи говоритъ (Уч. 1. 115): „предложеніе называется частнымъ..., когда сказуемое приложимо или не приложимо къ нѣкоторой части предметовъ, означаемыхъ терминомъ подлежащаго, или ко всѣмъ предметамъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — при чемъ не исключается приложимость или неприложимость его и ко всѣмъ предметамъ, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ“. Замѣтитъ кстати, что „позднѣйшіе любители симметрическихъ чертежей“ обыкновенно также не считаютъ общія и частныя предложенія исключающими другъ друга, и автору въ его борьбѣ противъ *conversio simplex* частно-утвердительныхъ предложеній приходится опровергать столько же и ихъ мнѣнія, какъ и свои собственные.

Во второй книгѣ „Учебника“ въ логикѣ началъ неяснымъ кажется мнѣ въ ученіи проф. Трояцкаго объ опредѣленіи объясненіе возможности пользоваться опредѣленіями при дедуктивныхъ доказательствахъ. Опредѣленія, по его ученію, всегда суть предложенія чисто

словесныя. Становясь пасынками выводовъ, они, однако, должны получить реальный смыслъ. Но точно опредѣлить этотъ реальный смыслъ автору, по видимому, не удастся. Въ началѣ своихъ объясненій по этому вопросу онъ высказываетъ, казалось бы, очень опредѣленную мысль (Уч. 2. 55—56): опредѣленія становятся, говоритъ онъ, — началами реальной дедукціи только тогда, когда съ ихъ открытыиъ словеснымъ смысломъ молчаливо связывается принятіе или утвержденіе реального существованія вещей, указываемыхъ опредѣляемыми терминами, или соотвѣтствующихъ опредѣленію. Опредѣленіе: „человѣкъ есть животное разумное такой-то внѣшней формы—какъ начало дедукціи—должно разлагаться на слѣдующіе два (сужденія): существуетъ разумное животное такой-то внѣшней формы, (и:) оно называется человекомъ“. По видимому, это значитъ, что опредѣленія при выводахъ переходятъ въ сужденія, въ которыхъ утверждается простое существованіе опредѣляемаго, и оба сужденія, на которыя авторъ разлагаетъ опредѣленія, имѣютъ, по видимому, въ его глазахъ смыслъ одного сужденія въ родѣ, напимѣръ, слѣдующаго: люди то есть, разумныя животныя такой-то внѣшней формы существуютъ. Но въ первой книгѣ Учебника (105) авторъ рѣшительно утверждаетъ, что не только предложенія номинальныя, но и предложенія, утверждающія простое существованіе, „не могутъ быть прямыми элементами... дедуктивнаго доказательства, поэтому... выходить изъ круга логическихъ предложеній въ тѣсномъ смыслѣ“. Не удивительно, что авторъ чувствуетъ затрудненіе при своемъ толкованіи реального смысла опредѣленій при выводахъ. Тотчасъ же за изложеннымъ разъясненіемъ этого смысла изъ предложеній существованія они переходятъ у него въ предложенія сосуществованія. „Такъ какъ реальная дедукція“, говоритъ онъ (Уч. 2. 58—59),—„есть всегда выводъ какого-нибудь отношенія изъ какихъ-нибудь другихъ реальныхъ отношеній, то понятно, почему опредѣленія, утверждающія только значеніе терминовъ, оказываются способными быть началами реальной дедукціи: скрытно и косвенно они становятся при этомъ утверждениями реальныхъ отношеній сосуществованія“. Судя по разъясненіямъ автора и по принарамъ, имъ приводимымъ, это должно, по видимому, означать, что опредѣленіе при выводѣ переходитъ въ сужденіе, въ которомъ одни изъ свойствъ, данныхъ въ опредѣленіи, занимаютъ мѣсто подлежащаго, другія мѣсто сказуемаго, напимѣръ, изъ опредѣленія: „человѣкъ есть животное разумное, такой-то внѣшней формы“ при выводѣ можетъ выйти сужденіе: „въ человѣкѣ свой-

ства животности сосуществуютъ съ разумностію и съ такою-то вѣшней формою". Нужно, конечно, думать, что авторъ принимаетъ, что въ подобное же сужденіе можно превратить и всякое сужденіе о существованіи предметовъ (такъ какъ во всякомъ сужденіи такого рода въ подлежащемъ мыслится хотя и слитно, нѣсколько иривзиковъ), хотя опредѣленно онъ объ этомъ и не говоритъ. Но высказывая такой взглядъ, проф. Троицкій встрѣчается также съ очень значительнымъ затрудненіемъ. Превратить опредѣленія въ сужденія сосуществованія значитъ взять сразу назадъ все то различіе, которое имъ установлено между опредѣленіями какъ номинальными сужденіями, основывающимися лишь на законѣ тождества, и законами природы какъ именно сужденіями сосуществованія, послѣдовательности и пр. Поэтому онъ еще разъ измѣняетъ свою мысль и вопрошается къ мысли, раяѣе высказавной: „не слѣдуетъ, впрочемъ, думать“, говоритъ онъ (Уч. 2. 59),—, что скрытый смыслъ, получаемый опредѣленіями, измѣняетъ вполне ихъ собственную природу или дѣлаетъ ихъ изъ предложеній словесныхъ реальными въ полномъ смыслѣ. Опредѣленіе, само по себѣ, имѣетъ только одинъ терминъ, тогда различными выраженіями въ сказуемомъ и подлежащемъ, то-есть, одно и то же имя, одну и ту же идею. Въ скрытомъ смыслѣ опредѣленія представлень тотъ же самый терминъ, только какъ фактъ, какъ вещь существующая въ массѣ приписываемыхъ ей опредѣляемымъ именемъ свойствъ“. Итакъ, опредѣленная, становясь началами делукціи,... бывають только предложеніями полуреальными“. Такимъ образомъ изъ предложенія сосуществованія опредѣленіе вновь сдѣлалось предложеніемъ, говорящимъ просто о существованіи опредѣляемыхъ вещей в вновь превратилось оно въ предложеніе „полуреальное“, то-есть, „реальное только отчасти“—терминъ, который авторъ даетъ вообще предложеніямъ существованія (Уч. 1, 105). Такимъ образомъ въ результатѣ получилось то же противорѣчіе съ высказанною въ первой книгѣ „Учебника“ мыслию, только съ тѣмъ различіемъ, что къ этому противорѣчію присоединилось новое противорѣчіе двухъ подъ-рядъ высказанныхъ мыслей, не согласимыхъ одна съ другою. Еслибъ авторъ ясно сознавалъ себѣ ту послѣдовательность, въ какой ведетъ мысль, что опредѣленія сѣуть предложенія чисто номинальные (приложимъ ли этотъ взглядъ ко всѣмъ научнымъ опредѣленіямъ,—это здѣсь мы не обсуждаемъ), то онъ понялъ бы, что раскрытый опредѣленіемъ смыслъ извѣстнаго имени можетъ имѣть при выводѣ одно только значеніе:

онъ можетъ употребляться или какъ подлежащее, или какъ сказуемое въ сужденіяхъ, то-есть, или служить характеристикю предметовъ, которымъ прилагается въ сужденіи какое-либо свойство, не данное въ опредѣленіи, или указывать тѣ свойства, какія нужно приписать извѣстному предмету, такъ или иначе данному въ опытѣ или вообще въ наглядномъ представленіи. Но еслибъ авторъ ясно созналъ эту послѣдовательность своего взгляда на опредѣленія какъ строго номинальныя предложенія, то конечно, ему уже нельзя бы было говорить объ опредѣленіяхъ какъ о началахъ въ смыслѣ посылокъ дедукціи. Посылка есть всегда сужденіе, а опредѣленіе (номинальное) составляется, правда, какъ сужденіе, но будучи только раскрытіемъ смысла понятія, можетъ и въ выводѣ имѣть только значеніе раскрытаго понятія.

Есть неправильность въ „Учебникѣ“ проф. Троицкаго и при разъясненіи формулы одного изъ опытныхъ доказательствъ причинной связи явленій, именно доказательства по методу согласія. Эту неправильность, впрочемъ, можно встрѣтить нерѣдко въ логической литературѣ; здѣсь только выступаетъ она болѣе рельефно. Заключение по методу согласія проф. Троицкій ставитъ въ связь „съ признакомъ постоянства, отличающимъ причинную связь“. Предположимъ,—такъ рассуждаетъ онъ (Уч. 2. 191),—что въ двухъ или болѣе случаяхъ „предыдущія (явленія) за исключеніемъ одного (или болѣе) не постоянны, то-есть, предшествуя нашему явленію въ одномъ или однихъ случаяхъ, не предшествуютъ ему въ другомъ или другихъ; тогда соотвѣтственно указанному свойству причинной связи (то-есть, постоянству) и требованію закона причинности, мы должны были бы прійти къ слѣдующимъ двумъ заключеніямъ: во-первыхъ, что факты непостоянные не могутъ быть причиною нашего явленія; и во-вторыхъ“, и такъ далѣе. То же повторяется и при разъясненіи того же метода на символахъ: „такъ какъ причина есть востоянное предыдущее, то ея не могутъ быть ни В ни С (то-есть, непостоянна предыдущія) относительно нашего А“ (Уч. 2. 192). Но постоянство причинной связи, какъ его понимаютъ и какъ единственно только и могутъ понимать при опытномъ изученіи природы, состоитъ лишь въ томъ, что за извѣстною причиною всегда слѣдуетъ извѣстное дѣйствіе, а никакъ не въ томъ, чтобъ извѣстное дѣйствіе слѣдовало только за извѣстною причиною и не могло порождаться какою-либо другою причиною въ отсутствіи первой. А поэтому на основаніи постоянства причинной связи нельзя изъ отсутствія какого-нибудь пре-

дыдущаго въ нѣсколькихъ случаяхъ, гдѣ произошло извѣстное явленіе, заключать, что это предыдущее не могло быть причиной этого явленія въ другихъ случаяхъ. Авторъ черезъ страницу послѣ цитованныхъ словъ самъ говоритъ о множественности причинъ, то-есть, о томъ, что одно и то же явленіе можетъ происходить отъ разныхъ причинъ, но въ такомъ случаѣ какъ же можно изъ отсутствія извѣстнаго предыдущаго въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлать выводъ, что оно не можетъ быть причиной того же явленія въ другихъ случаяхъ, когда находилось въ числѣ его предыдущихъ? Выводъ по методу согласія въ дѣйствительности сложнѣе, чѣмъ какъ его обыкновенно описываютъ.

Укажу нѣсколько примѣровъ менѣе значительныхъ погрѣшностей при изложеніи логическихъ взглядовъ въ книгѣ проф. Троицкаго Сказавъ о значеніи глагола есть какъ связки въ предложеніи, онъ замѣчаетъ (Уч. 1. 73): „Когда глаголъ быть и не быть употребляется во временахъ прошедшемъ (былъ) и будущемъ (будетъ), онъ разрѣшается подобно другимъ глаголамъ на связку и причастіе, какъ означающій, во первыхъ, утвержденіе или отричаніе, и восторыхъ, существованіе“. Въ русскомъ языкѣ не во временахъ только прошедшемъ и будущемъ глаголъ быть имѣетъ смыслъ не просто связки, но и существованія; съ тѣмъ же значеніемъ онъ нерѣдко употребляется и во времени настоящемъ; мы говоримъ: „есть Богъ“, „у меня есть книга“, „у моего знакомаго въ саду есть прекрасный цвѣтникъ“. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ „есть“ означаетъ не утвержденіе только, но и существованіе. Единичные термины авторъ опредѣляетъ какъ термины, приложимые только къ одному предмету (Уч. 1. 88), но въ то же время онъ учитъ, что „всѣ единичные термины могутъ быть только подлежащими предложенія“ (Уч. 1. 92). Отчего же такъ? Терминъ „столица Англіи“ приложимъ только къ одному городу, терминъ „величайшая изъ пирамидъ“ приложимъ лишь къ одной пирамидѣ. Но развѣ мы не можемъ высказать сужденій „Лондонъ есть столица Англіи“, „пирамида Хеопса есть величайшая изъ пирамидъ“. „Истинность предложенія и ложность предложенія“, говоритъ авторъ (Уч. 1. 56),— не всегда усматриваются тѣми, кому оно становится извѣстнымъ. Отсюда происходятъ заблужденія (egreges) на счетъ истинности или ложности предложеній“. Это не совсѣмъ точно. Изъ одного „неусмотрѣнія истинности“ еще не выйдетъ заблужденія; незнаніе должно сопровождаться простымъ воздержаніемъ отъ сужденія. Неусмотрѣніе истинности дѣлаетъ заблужденіе только возможнымъ, составляетъ только отрицательное условіе его.

Въ „Учебникѣ Логикѣ“ проф. Троицкаго встрѣчается не мало матеріала, относящагося въ литературѣ логикѣ. Этотъ матеріалъ состоитъ въ краткомъ изложеніи мнѣній по различнымъ логическимъ вопросамъ, высказывавшихся различными писателями, иностранцами и русскими. Встрѣчаются случаи, гдѣ это изложенеіе мнѣній принимаетъ видъ исторіи вопроса, конечно, очень краткой и не полной. Иногда авторъ входитъ и въ полемику съ мнѣніями, отличающимися отъ его взглядовъ. Мнѣ кажется, было бы несправедливо ставить автору въ вину, что при этихъ указаніяхъ по исторіи и литературѣ логикѣ очень замѣтно преобладаютъ у него выписки изъ авторовъ того направленія, которое послѣдовательно проводитъ онъ въ своемъ учебникѣ, и что и его историческіе очерки также получаютъ особое освѣщеніе съ точки зрѣнія того же направленія. Все это совершенно понятно и естественно. Но нельзя не сдѣлать упрека автору за полное отсутствіе цитатъ при всѣхъ его ссылкахъ и выпискахъ не только изъ краткихъ учебниковъ, но и изъ болѣе объемистыхъ сочиненій. У читателя легко можетъ возникнуть желаніе ближе ознакомиться съ кратко изложенными въ учебникѣ мнѣніемъ того или другаго автора, и отсутствіе цитатъ, конечно, затруднитъ его въ исполненіи его желанія; одни помѣщенные въ началѣ каждой части учебника перечни книгъ, которые имѣлъ въ виду самъ проф. Троицкій при составленіи своей книги, конечно, очень мало могутъ пособить такому читателю. Во всякомъ, притомъ, случаѣ разбросанныя по всѣмъ отдѣламъ учебника свѣдѣнія о мнѣніяхъ различныхъ писателей по различнымъ вопросамъ логикѣ, хотя въ подборѣ ихъ и не видно какаго-либо строго опредѣленнаго плана, представляютъ не мало матеріала для знакомства съ литературою науки, особенно англійской и французской, и несомнѣнно стоили труда автору.

Все сейчасъ сказанное, однако, относится не ко всѣмъ указаніямъ по литературѣ и исторіи, которыя встрѣчаются въ рассматриваемомъ сочиненіи, а лишь къ тѣмъ, которыя касаются частныхъ вопросовъ логикѣ. Въ началѣ первой книги „Учебника“ помѣщенъ историко-философскій обзоръ болѣе общаго характера, который имѣетъ дѣло съ философскими ученіями о логическомъ критеріи истинны и составляетъ содержаніе одной изъ университетскихъ рѣчей профессора Троицкаго. Недостатки этого обзора выступаютъ слишкомъ рельефно, чтобы можно было обойти ихъ молчаніемъ. Стремленіе освѣтить историко-философское движеніе съ точки зрѣнія эмпирическаго направленія едва ли не перешло здѣсь мѣру, которую должны были полагать

ему даже скромныя требованія историческаго безпристрастія. При обзорѣ взглядовъ новаго времени авторъ отъ Локка прямо переходитъ къ Дж.-Ст. Миллю, совсѣмъ не упоминая о Лейбницѣ, ни даже о Кантѣ, какъ будто гносеологическое ученіе послѣдняго не имѣло рѣшительно никакихъ основаній, какъ будто оно не заслуживаетъ даже нѣсколькихъ словъ хотя бы для разъясненія его несостоятельности. Это умолчаніе о „Критикѣ чистаго разума“ производитъ особенное впечатлѣніе въ виду эпитетовъ „бессмертное“, „знаменитое“, „величайшее въ нашемъ столѣтіи“, которые такъ охотно даетъ авторъ произведеніямъ мыслителей, болѣе близкихъ ему по направленію; умолчать о Кантѣ едва ли было удобно и въ виду того, что при обзорѣ философскихъ взглядовъ древняго міра, авторъ упоминаетъ даже о философахъ, которымъ принадлежитъ довольно скромное мѣсто въ исторіи занимающаго его вопроса. Иначе авторъ относится, по видимому, къ противникамъ эмпиризма въ древнемъ мірѣ. Сократъ и Платонъ упоминаются и причисляются даже къ исключительнымъ философамъ древности. Однако, это безпристрастіе совершенно особаго рода. Тотчасъ же оказывается, что это величіе Сократа и Платона не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ развитіемъ вопроса о критеріи истины, исторію котораго слѣдуетъ проф. Троицкій. „Взглядъ Сократа и Платона на критерій истины“, слѣдуетъ разъяснить онъ, — „ве были совершенною новостію въ исторіи греческой философіи... Сократъ и Платонъ, въ борьбѣ съ софистами, обратились къ ученію о томъ же предметѣ элейской школы... Они настойчиво утверждаютъ вѣрность элейскаго положенія, что челоѣческая способность умозаключеній имѣетъ независимыя отъ чувствъ, или даннаго опыта, средства обоснованія и повѣрки выводовъ“. Правда, при этомъ отмѣчается авторомъ и нѣкоторая разность въ ученіи Сократа и Платона отъ элейскихъ взглядовъ. „Средства эти“, говоритъ онъ, — „по ученію Сократа и Платона прирождены уму челоѣки и включаютъ не только въ общемъ понятіи о бытіи, — какъ у элейцевъ, — но и во всѣхъ другихъ общихъ понятіяхъ людей“; онъ не опускаетъ даже этого случая, чтобы упомянуть „о поразительной прелести“, съ какою описываетъ Платонъ свой міръ идей. Но вся эта красивая обстановка только сильнѣе отбрасываетъ суровую мысль, что въ исторіи вопроса, который составляетъ предметъ разсужденій автора, Сократъ и Платонъ никакого значенія не имѣютъ. Эта мысль сначала является въ осторожной формѣ. Рѣшаясь утверждать, что „усвоеніе элейскаго взгляда на силы челоѣческаго ума, независимыя отъ опыта, не было поддержано у Сократа и Пла-

тона никакими новыми доказательствами", авторъ предусмотрительно прибавляетъ „выдерживающими строгую оцѣнку". Эта оговорка предназначается, очевидно, для той цѣли, чтобы обезоружить читателя знакомаго съ дѣломъ, который слишкомъ изумился бы силѣ утвержденія объ отсутствіи всякихъ новыхъ доказательствъ основнаго взгляда у Платона: на недоумѣніе такого читателя оговорка и даетъ косвенный отвѣтъ, разъясняя, что дѣло идетъ лишь о доказательствахъ, выдерживающихъ оцѣнку, и притомъ еще строгую. Но эта прибавка нисколько не помѣшала самому автору совсѣмъ обойти молчаніемъ какія бы то ни было доказательства Платона, какъ будто дѣло не въ томъ, что они не выдерживаютъ строгой оцѣнки, а въ томъ, что они ровно никакого значенія въ исторіи вопроса не имѣютъ. Она даже не помѣшала ему черезъ вѣсколько строкъ рассуждать такъ, какъ будто никакой такой прибавки имъ совсѣмъ сдѣлано не было. Сказавъ, что разъясненные Сократомъ и Платономъ способы обработки понятій не касались основнаго пункта ученія ихъ объ особнхъ средствахъ человѣческаго ума къ познанію, онъ продолжаетъ: „въ этомъ пунктѣ ученіе обонхъ философовъ не могло вполнѣ опираться факте на тотъ бѣдный, чисто формальный критерій истины, на который опиралась элейская школа" (Уч. 1. 8—10). Такимъ образомъ, если о Платонѣ и Сократѣ авторъ и упоминаетъ, то въ сущности лишь за тѣмъ, чтобы дать понять читателю, что въ отношеніи по крайней мѣрѣ къ самому существенному вопросу у нихъ, въ сличеніи съ ихъ предшественниками, чего-либо совершенно новаго нѣтъ, что доказательства ихъ взглядовъ не заслуживаютъ даже разъясненія, что, наконецъ, въ основномъ пунктѣ ихъ ученія оказывается лишь дефицитъ сравнительно съ ученіемъ школы элейской. Но довольно объ историческомъ безпристрастіи автора. Обратимся къ его разъясненіямъ философскихъ ученій въ томъ же очеркѣ.

Ученіе Декарта объ очевидности онъ хочетъ поставить въ историческую связь съ изслѣдованіями Бэкона о научныхъ методахъ. „Методы науки", говоритъ онъ, — „указанные Бэкономъ и признанные бесспорными, могутъ быть отдѣлены отъ методовъ не научныхъ, или не строго научныхъ, одною характеристикю, это — методы очевидности..... Разъ была подмѣчена эта характеристическая природа критерія истины, послѣдующіе мыслители не замедлили подвергнуть тщательному ввслѣдованію его различныя стороны". Перечисливъ затѣмъ различныя вопросы, касающіеся очевидности, авторъ заканчиваетъ свои мысли словами: „на этихъ вопросахъ оста-

новили свое вниманіе философы, слѣдовавшіе за Бэкокомъ, и прежде всѣхъ другихъ — Декартъ* (Уч. 1. 19). Авторъ, къ сожалѣнію, не разъясняетъ, какими историческими указаніями онъ пользуется для того, чтобы заключать, что Декартъ на методы Бэкона смотрѣлъ какъ на методы очевидности, или чтобы онъ разсуждалъ объ очевидности, потому что на научныхъ методахъ, разъясненныхъ Бэкономъ, „была подмѣчена эта характеристическая природа критеріа истиннъ“. Декартъ ищетъ знанія, стоящаго выше всякихъ философскихъ сомнѣній, такихъ сомнѣній, которыя не приходили даже на мысль Бэкону, и съ которыми безсильны бороться методы Бэкона. Очевидность является у него какъ открытое имъ свойство первой найденной имъ, стоящей выше всѣхъ такихъ сомнѣній, истинн. Она даже не исходный пунктъ его исслѣдованія, а только одинъ изъ первыхъ его результатовъ, которымъ онъ пользуется при установленіи дальнѣйшихъ истиннъ. Къ своему исслѣдованію онъ потому и приступаетъ, что не видитъ, чтобы кѣмъ-нибудь были указаны дѣйствительно научные методы, не оставляющіе мѣсто сомнѣніямъ, особенно въ философіи и познаніи высшаго бытія. Его описаніе сомнѣнія и исванія истинн были бы пустыми словами, еслибъ онъ былъ увѣренъ, что кѣмъ-нибудь былъ подмѣченъ уже критерій истинн, или что кѣмъ-нибудь уже были найдены методы, несомнѣнно ведущіе къ истиннѣ, на которыхъ легко и удобно подмѣтить такой критерій. Въ виду всего этого устанавливаетъ историческій переходъ отъ методовъ Бэкона и ихъ очевидности къ ученію Декарта объ очевидности, — устанавливаетъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ дѣлаетъ это проф. Троицкій, кажется нѣсколько смѣлымъ. Еще болѣе недоумѣній вызываютъ взгляды автора „Учебника“ на область непосредственно очевидныхъ истинн у Декарта. „Съ его (Декарта) точки зрѣнія“, говоритъ онъ, — къ вещамъ очевиднымъ принадлежитъ прежде всего все то, что называлось еще въ древности и также называется теперь явленіями внутренними и внешними. Въ сферу очевидности входятъ, по Декарту, усматриваемыя прямымъ образомъ отношенія между понятіями и терминами, напримѣръ, между понятіемъ мышленія и понятіемъ существованія“ (Уч. 1. 21). Нѣсколько строкъ ниже онъ говоритъ, что основой всѣхъ исслѣдованій Декартъ „объявляетъ факты прямого сознанія въ соединеніи съ услугами языка“. Было бы желательнo знать, гдѣ онъ нашелъ у Декарта объявленіе „услугъ языка“ за основы знанія. И если этимъ названіемъ онъ хотѣлъ лишь съ своей

точки зрѣнія характеризовать то, что выше назвалъ отношеніемъ между понятіями (не даромъ прибавлено тамъ „и терминами“), то желательнo было бы знать, не къ этимъ ли услугамъ языка нужно отнести также и положеніе, напримѣръ, причинности, которое, несомнѣнно, Декартъ относилъ къ непосредственно очевиднымъ истинамъ, и которое, конечно, проф. Троицкимъ не причисляется къ тому, „что называлось еще въ древности и также называется теперь — явлениями внутренними и внѣшними“? Стараясь сблизить Декарта съ Вэкономъ въ ученіи о непосредственной очевидности, авторъ говоритъ: „Основомъ всѣхъ изслѣдованій Вэконъ призналъ опытъ, наблюденіе; этою основою Декартъ объявляетъ факты прямого сознанія въ соединеніи съ услугами языка. Между обоими философами нѣтъ замѣтной разницы, когда дѣло идетъ о вещахъ, которымъ свойственна непосредственная или прямая очевидность“ (Уч. 1. 21—22). Но если мы оставимъ даже въ покоѣ эти „услуги языка“, то все же эта мысль автора представляется не совсѣмъ ясною. Ужели въ самомъ дѣлѣ проф. Троицкому кажется, что нѣтъ замѣтной разницы между сферами непосредственной очевидности у двухъ философовъ, изъ которыхъ одинъ признаетъ явленія внѣшняго чувства непосредственно очевидными единственно только въ качествѣ фактовъ сознанія, а для признанія существованія внѣшнихъ вещей и соответствія ихъ свойствъ нашимъ воспріятіямъ требуетъ особаго доказательства, тогда какъ другой не только признаетъ существованіе внѣшнихъ воспріятій въ качествѣ фактовъ сознанія, но также непосредственно вѣрять и показаніямъ ихъ, какъ относительно существованія внѣшнихъ вещей, такъ и относительно нѣкоторыхъ свойствъ этихъ вещей, напримѣръ, протяженности, движенія, а вѣроятно, и еще нѣкоторыхъ другихъ? Ужели здѣсь для автора разница не замѣтна?

Локкъ признается авторомъ „Учебника“ за одного изъ родоначальниковъ эмпиризма, на „знаменитый“ „Опытъ“ его онъ охотно ссылается и не въ одномъ только своемъ „Учебникѣ логики“. Поэтому особенно странно встрѣтить въ послѣднемъ неточности, и иногда очень крупныя, при изложеніи даже главнѣйшихъ пунктовъ ученія Локка. Неточность встрѣчается уже при самомъ опредѣленіи знанія по Локку. „Знаніе“, говоритъ проф. Троицкій, — „для Локка есть не что иное какъ усмотрѣніе соответствія между идеями предложеній и самими вещами или фактами“ (Уч. 1. 23 — 24). Локково опредѣленіе (IV, 1, § 2) знанія говоритъ лишь объ идеяхъ, а

часть сслжнн, отд. 2.

не о вещахъ. Отношеніе къ вещамъ вводится у Локка при опредѣленіи истины, а не знанія (IV, 5, §§ 2 и 5). Введеніе этого добавочнаго отношенія въ опредѣленіе знанія, само по себѣ впрочемъ, существу дѣла не вредило бы, еслибы съ нимъ не соединялись въ опредѣленіи проф. Троицкаго, кромѣ того, двусмысленность и неточность. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понимать соотвѣтствіе между идеями предложеній и вещами, въ смыслѣ ли соотвѣтствія идей вещамъ, или въ смыслѣ двоякаго соотвѣтствія, во первыхъ, самыхъ идей между собою, вторыхъ, вещей между собою? Это въ его опредѣленіи остается совсѣмъ неяснымъ. Но и при каждомъ изъ этихъ толкованій, даже если имѣть въ виду, что въ опредѣленіи соединяются понятія знанія и истины, мысль Локка была бы выражена очень неточно. Въ первомъ случаѣ въ опредѣленіи скрадывался бы самый существенный по Локку моментъ въ знаніи—усмотрѣніе согласія между самыми идеями, о которомъ онъ никакъ не забываетъ и при своемъ опредѣленіи истины. Во второмъ случаѣ опредѣленіе могло бы внушать ошибочную мысль, будто по Локку есть особые акты усмотрѣнія согласія между вещами, отдѣльные отъ актовъ усмотрѣнія согласія между представленіями. Несравненно важнѣе другая неточность, касающаяся Локкова интуитивнаго знанія. Изъ актовъ этого знанія, по ученію Локка, состоитъ и всякое демонстративное доказательство, а поэтому неправильное представленіе о немъ существенно измѣняетъ смыслъ всего ученія Локка о знаніи. Проф. Троицкій отождествляетъ все интуитивное знаніе Локка съ прямымъ опытомъ и наблюденіями. „Въ умозаключеніи, повторять оцъ слова Локка,—„каждый шагъ, приближающій къ истинѣ, имѣетъ достовѣрность интуитивную, то-есть“, прибавляетъ онъ уже отъ себя,—„прямаго опыта, внѣшняго или внутренняго, чувственнаго или умственнаго“ (Уч. 1. 24) ¹⁾. „Ученіе Локкане разъяснило въ подробностяхъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (Уч. 1. 25—26),—„почему никакая косвенная очевидность... не возможна безъ прямой или интуитивной—безъ различнаго рода наблюденій или опыта“. Это отождествленіе всего Локкова интуитивнаго значенія съ наблюденіями и опытомъ ставится имъ какъ необходимый и очевидный выводъ изъ ученія Локка объ опытномъ происхожденіи всѣхъ простыхъ идей. Однако, это не такъ про-

¹⁾ Подъ умственными опытомъ авторъ разумѣетъ также наблюденіе, но только „надъ произведеніями ума,—знаками, ихъ смысломъ, словесноостію, литературою, являющимися произведеніями искусства“ (Уч. 1. 24).

сто и ясно, какъ, по видимому, представляется это проф. Троицкому. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что опытъ, по учению Локка, даетъ всѣ идеи простыя, изъ которыхъ образуются и всѣ остальные идеи, такъ что весь матеріалъ знанія заимствуется изъ опыта, и въ этомъ смыслѣ опытъ можно назвать источникомъ всего знанія. Но знаніе по Локку есть усмотрѣніе не идей, а связи и согласія или несогласія и несогласности идей. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе. Когда вообще отождествляютъ сужденіе съ прямымъ опытомъ и наблюденіемъ, и точно также, когда на точкѣ зрѣнія проф. Троицкаго, то-есть, чистаго эмпиризма, говорятъ объ основаніи на опытѣ и наблюденіи послѣднихъ посылокъ знанія, имѣется въ виду не происхожденіе только представленій, соединяемыхъ въ сужденія, изъ опыта; предполагается, что на фактахъ опыта основано и самое то отношеніе между представленіями, которое утверждается въ сужденіи, такъ что, напримѣръ, единичное сужденіе просто констатируетъ извѣстный случай отношенія фактовъ, общее—основывается на повтореніяхъ также наблюдаемыхъ или данныхъ въ опытѣ отношеній предметовъ или фактовъ. Этотъ ли процессъ Локкъ называетъ знаніемъ? Для Локка то, что онъ въ собственномъ смыслѣ называетъ знаніемъ, потому и имѣетъ непоколебимую твердость, что здѣсь дано усмотрѣніе того или другаго отношенія между идеями; этимъ знаніе отличается отъ мнѣнія, въ которомъ не усматривается, а лишь принимается это отношеніе, то-есть, въ первомъ случаѣ сужденіемъ констатируется въ предметахъ то и только то, что обнимается и усматривается въ идеяхъ устремляемымъ на нихъ и вытекающимъ въ нихъ сознаніемъ, а во второмъ сужденіе идетъ далѣе этихъ границъ и поэтому-то именно уже непоколебимой твердости нѣтъ не можетъ. По Локку ни въ какомъ случаѣ не былъ на столько поверхностнымъ мыслителемъ, чтобы не понять, что тамъ, гдѣ общее сужденіе устанавливается на основаніи наблюденій и опыта, на основаніи повторенія частныхъ фактовъ, утвержденіе идетъ далѣе того, что обнимается устремленнымъ на идеи и вытекающимъ въ нихъ сознаніемъ, такъ какъ нѣтъ частныхъ предметовъ, подходящихъ подъ общее представленіе, исчерпать никогда нельзя, а общее, какъ общее, ни въ какомъ наблюденіи дано быть не можетъ. Отсюда общее сужденіе, если оно должно быть точнымъ знаніемъ, а не мнѣніемъ, усмотрѣніемъ, а не простымъ пріяніемъ истины, никогда, по его взгляду, не можетъ быть основано на давнихъ въ опытѣ или наблюденіи фактовъ того отношенія, которое констатируется мыслию, не мо-

жетъ быть основано на фактахъ даже въ томъ случаѣ, когда оно говоритъ о соединимости или несоединимости представленій въ предметахъ. Оно для него есть всегда результатъ мыслящаго сознанія, устремленнаго на самое содержаніе общихъ идей, и опредѣляется исключительно этимъ содержаніемъ идей. Локкъ рѣшительно утверждаетъ, что правильный методъ знанія состоитъ въ разсмотрѣніи отвлеченныхъ идей, такъ какъ общія и несомнѣнныя истины единственно основываются на свойствахъ и отношеніяхъ такихъ идей (IV, 12, § 7) и служатъ для него достаточнымъ завѣщеніемъ невозможности точнаго знанія въ томъ или другомъ опредѣленномъ случаѣ, если онъ видитъ, что его нельзя навлечь изъ разсмотрѣнія соответствующихъ идей (IV, 6, § 9). Отсюда и совъртательное (интуитивное) знаніе есть для него результатъ также устремленія мысли на самыя идеи, съ тѣмъ различіемъ отъ другаго знанія, что здѣсь она устремлена только на тѣ идеи, отношеніе между которыми устанавливается въ сужденіи и не нуждается въ другихъ; поэтому истина познается здѣсь съ перваго взгляда на идеи, безъ всякаго сомнѣнія или какихъ-либо изслѣдованій (IV, 2, § 1); при общихъ сужденіяхъ это, очевидно, процессъ, не имѣющій ничего общаго съ процессами индуктивными, опредѣляемый исключительно содержаніемъ идей, хотя приобрѣтеніе самыхъ идей и совершается съ строгою постепенностію. Эта зависимость установокъ отношеній между идеями въ сужденіяхъ общихъ не отъ фактической данности этихъ отношеній въ извѣстныхъ случаяхъ, а отъ вывлеченія мыслию въ самое содержаніе идей, глубоко входящихъ въ теорію Локка. Оно послѣдовательно ведетъ его къ различенію идей, допускающихъ и не допускающихъ знаніе. Ясность идей ставится въ качествѣ неизбѣжнаго требованія отъ идей, допускающихъ познаніе отношеній между ними (IV, 2, § 15, IV, 12, § 14). Но требуется не одна только ясность вообще идей; требуется кромѣ того, чтобы идеи въ самой своей природѣ заключали отношеніе свое къ другимъ идеямъ, и гдѣ этого нѣтъ, тамъ знаніе не возможно (IV, 3, § 10). Этимъ именно объясняется у Локка скудость нашего знанія о соединимости или несоединимости свойствъ въ предметахъ: идеи формы, величины, движеній мельчайшихъ частицъ въ предметѣ, отъ которыхъ зависитъ возникновеніе въ насъ ощущеній цвѣтовыхъ, звуковыхъ и т. н., не носятъ на себѣ никакой понятной для насъ связи съ послѣдними (—только всемогуществу Божественному угодно было установить правильную послѣдовательность послѣднихъ за первыми—); а потому знаніе связи однихъ съ другими для насъ не возможно (IV, 3, § 18).

На оборотъ, въ идеяхъ математическихъ и въ идеяхъ, на которыхъ основапа мораль, хоти по Локку онѣ представляютъ свободныя, то-есть, независимыя отъ опыта комбиваціи получаемыхъ опытно простыхъ идей, существуютъ нужныя для знанія свойства, а потому здѣсь точное знаніе исполнѣ возможно (IV, 3, § 18). Но этого мало. Опыты, наблюденія и т. п., на сколько идетъ дѣло не о приобрѣтеніи матеріала для знанія, а о самомъ знаніи, то-есть, объ усмотрѣніи согласія или несогласія между представленіями, и именно при установленіи сужденій общихъ, вмѣсто того, чтобы отождествляться съ знаніемъ, рѣшительно противоположаются ему. Твердо настаивая на томъ, что общаго знанія мы можемъ искать только въ нашемъ умѣ, въ изслѣдованіи нашихъ представленій, что истины, касающіяся сущности вещей, то-есть, общихъ идей, вѣчны и основаны единственно на разсмотрѣніи этой сущности, Локкъ, въ противоположность этому опыту, предоставляетъ лишь познаніе существованія вещей и говорить, что при помощи экспериментовъ и наблюденій не идутъ далѣе частности (IV, 3, § 31; IV, 6, § 16). Онъ предоставляетъ опыту, экспериментамъ, наблюденіямъ и т. под. только тѣ области или стороны въ предметахъ, гдѣ не возможно извлечь надлежащаго знанія изъ самыхъ идей, и хоти онъ ни въ какомъ случаѣ не склоненъ отрицать или умалять значеніе въ жизни человѣка этого обращенія къ опыту и наблюденіямъ, однако никогда не опускаетъ случая предостеречь отъ ложной надежды достигнуть такимъ путемъ знанія въ собственномъ смыслѣ; ни надлежащей точности, ни надлежащей общности результаты такихъ опытныхъ изслѣдованій, по его взгляду, никогда имѣть не могутъ, а потому и знаніемъ въ собственномъ смыслѣ назваться не могутъ (IV, 6, §§ 13, 15; IV, 12, §§ 9—10; IV, 3, §§ 14, 26, 29). Въ виду всего этого отождествлять все совершительное знаніе Локка съ прямымъ опытомъ и наблюденіями безъ точнаго разъясненія дѣла, не проговориться ни однимъ словомъ о существенной разницѣ его взглядовъ съ взглядами чистаго Миллевскаго эмпиризма, которому съ буквальной точностію слѣдуетъ проф. Троицкій, на оборотъ ставить дѣло такъ, какъ будто въ вопросахъ о знаніи непосредственно очевидномъ, въ ученіи о послѣднихъ посылкахъ знанія у Локка не предполагается никакого различія отъ взглядовъ эмпиризма,— это значить или не имѣть яснаго представленія о важнѣйшей сторонѣ гносеологическаго ученія Локка, или давать несомнѣнные поводы къ возбужденію ошибочнаго представленія о немъ у читателей. Правда, недоразумѣніе въ пониманіи гносеологическихъ взглядовъ Локка бы-

вали и прежде и не исчезли до настоящего времени. Но отъ кого же бы и ждать разъясненій остающихся еще недоразумѣній, если не отъ тѣхъ лицъ, которыя, провозглашая величіе Локка, такъ охотно обращаются къ его „знаменитому“ „Опыту“? И не странно ли здѣсь—то именно и встрѣтить не разъясненіе, а усложненіе недоразумѣній? Но у проф. Троицкаго находимъ, сверхъ того, довольно крупная неточности даже при изложеніи такихъ пунктовъ ученія Локка, которые, казалось бы, совсѣмъ не даютъ повода для недоразумѣній. Отожествивъ Локкову интуитивную достовѣрность съ прямымъ опытомъ, онъ продолжаетъ: „а изъ этого слѣдуетъ, что очевидность косвенная не можетъ выйдти изъ предѣловъ опыта, то-есть, признанія явленій и существованія являющихся вещей, безъ всякой надежды разумѣнія послѣднихъ, какъ онѣ есть въ себѣ“ (Уч. 1. 24). На слѣдующей страницѣ еще яснѣе говорится объ ограниченіи у Локка „прямой и косвенной очевидности предѣлами явленій и существованія ихъ неизвѣстныхъ причинъ“ (Уч. 1. 25); то же, только въ другихъ словахъ, повторяется опять черезъ нѣсколько строкъ. Значитъ, это не случайная неточность выраженія. И тѣмъ не менѣе, это не вѣрно. Правда, знаніе реальныхъ причинъ явленій, по ученію Локка, очень ограничено. Знаніе субстанцій, то-есть, того внутренняго единства, которое связуетъ свойства и состоянія и лежитъ въ ихъ основаніи, совсѣмъ не возможно; самое познаніе свойствъ и состояній этихъ реальныхъ причинъ явленій также кажется ему очень ограниченнымъ. Но все же оно возможно, по его взгляду, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ. Локкъ знаетъ Бога, какъ существо вѣчное, въ высшей степени могущественное и премудрое, какъ бытіе невещественное. Онъ считаетъ доказательство существованія причины міра съ такими именно свойствами столь же очевиднымъ, какъ доказательство геометрическихъ теоремъ, и посвящаетъ ему цѣлую главу въ своемъ „Опытѣ“ (IV, 6). Онъ признаетъ бытіе Бога въ числѣ необходимыхъ основоположеній морали, а мораль, на ряду съ математикой, относитъ онъ къ точному знанію (I, 3, § 15; I, 4, § 8; IV, 8, § 18). Когда проф. Троицкій говоритъ объ ограниченіи у Локка знаній явленіями и существованіемъ неизвѣстныхъ причинъ, онъ, вужно думать, забываетъ объ этомъ обстоятельствѣ. Локкъ, кромѣ того, ясно отличаетъ такъ-называемыя первыя свойства тѣлъ отъ свойствъ вторыхъ и силъ, и первыя (Декартови свойства матеріи съ присоединеніемъ плотности) признаетъ принадлежащими вещамъ въ себѣ независимо отъ нашего воспріятія, и опять этому ученію объ объ-

ективной и субъективной сторонъ воспріятій посвящаетъ почти цѣлую главу въ своемъ „Опытѣ“ (II, 8, §§ 7—26, слич. II, 23, §§ 9—11). Правда, это соотвѣтствіе нѣкоторой части нашихъ идей дѣйствительнымъ свойствамъ тѣлъ, по его мнѣнію, не судитъ человѣческому знанію сколько-нибудь глубокаго проявленія въ тѣла, во первыхъ, потому, что есть вопросы въ отношеніи къ самимъ этимъ дѣйствительнымъ свойствамъ тѣлъ, которые для насъ не разрѣшены, а во вторыхъ, и главнымъ образомъ потому, что составъ тѣлъ, мельчайшія ихъ части съ ихъ движеніями, отъ которыхъ зависятъ остальные воспріемлемыя свойства и состоянія тѣлъ, мы воспринимать не можемъ. По знанію только „существованіе неизвѣстныхъ причинъ явленій“, конечно, не одно и то же, чтó знаніе не только существованіе ихъ, но и нѣкоторыя ихъ общія свойства, считающіяся ихъ несомнѣнною принадлежностію, хотя бы при этомъ и признавалось, что воспользоваться этимъ знаніемъ для болѣе частнаго ознакомленія съ міромъ тѣлъ мы не можемъ. Чтобы доказать совершенную непознаваемость, по ученію Локка, свойствъ вещей, проф. Троицкій приводитъ подлинныя (съ вносными знаками) слова Локка о несоотвѣтствіи нашихъ ощущеній существующему виѣ насъ. По своему обычаю, ссылки онъ не ставитъ. Слова Локка взяты, какъ полагаю, изъ „Опыта“ (II, 8, § 7). Но проф. Троицкій не сличилъ ихъ съ содержаніемъ слѣдующихъ параграфовъ той же главы, и кромѣ того, такъ какъ эти слова, какъ читаются они у Локка, противорѣчатъ его мысли и говорятъ лишь о несоотвѣтствіи вещамъ болѣею частью нашихъ ощущеній, то онъ опускаетъ неудобное для него выраженіе: „большая часть“ и передаетъ мѣсто такъ, какъ будто Локкъ говоритъ просто объ ощущеніяхъ. Такой способъ доказательства своей мысли, конечно, простъ, но обыкновенно къ нему не прибѣгаютъ, потому что онъ считается недовольственнымъ. Не совсѣмъ понятна и еще одна мысль проф. Троицкаго при изложеніи Локкова взгляда. Разсуждая о самоочевидныхъ положеніяхъ у Локка, онъ между прочимъ говоритъ: „Истинность нѣкоторыхъ предложеній усматривается непосредственно: сюда относятся нѣкоторыя утвержденія тождества, разницы и равенства, наприимръ, „чтó есть, тó есть“, „красное — не синее“, „если отъ равныхъ количествъ отнять равныя количества, остатки будутъ равны“. Такія истинны Локкъ называетъ прямыми, непосредственными, интуитивными или наглядными“ (Уч. 1. 23). Въ этихъ словахъ, собственно, двѣ неточности. Интуитивныя истины Локка касаются не тождества только, различія и равенства,

но, несомнѣнно, по ясно выраженному ученію его, и существованія свойствъ въ предметѣ, хотя истинъ послѣдняго рода онъ признаетъ и очень не много (IV, 7, § 5); притомъ же, если изъ того класса истинъ, который Локкъ называетъ знаніемъ отношеній, проф. Троицкій упоминаетъ лишь о равенствѣ, то это ограниченіе едва ли справедливо; въ качествѣ примѣровъ созерцательныхъ истинъ такого рода, Локкъ, правда, обычно приводитъ сужденія равенства (и неравенства); но если обратить вниманіе на то, что къ тому же классу относится у Локка всл мораль, и что для него все демонстративное знаніе разлагается на очевидныя истины, необходимо, мнѣ кажется, придти къ убѣжденію, что созерцательныя истины этого класса не могутъ ограничиваться сужденіями равенства. Впрочемъ, эту неточность въ словахъ автора „Учебника“, по видимому, можно объяснить тѣмъ, что авторъ не имѣлъ въ виду очерчивать точно объемъ интуитивнаго знанія по Локку, а хотѣлъ только характеризовать это знаніе, указавъ на нѣкоторые изъ его видовъ, и лишь выразилъ свою мысль недостаточно опредѣленно. Но уже несравненно труднѣе объяснить другую неточность въ тѣхъ же словахъ. Къ индуктивному знанію, по Локку, онъ относитъ здѣсь нѣкоторыя утвержденія тождества и разницы, тогда какъ Локкъ ясно и рѣшительно учитъ, что непосредственное знаніе относительно тождества и различія простирается на всю область представленій, считаетъ его нераздѣльнымъ отъ самой опредѣленности идей въ душѣ и оспоманіемъ всѣхъ другихъ познавательныхъ процессовъ (IV, 3, § 8; IV, 1, § 4; IV, 7, § 4). Этихъ замѣчаній достаточно, чтобы убѣдиться, что фактическая сторона въ общемъ историко-философскомъ обзорѣ проф. Троицкаго, относящемся къ вопросу о критеріѣ истины, не стоитъ выше, чѣмъ историческое безпристрастіе автора, въ немъ высказавшееся.

М. Каринскій.

Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. П. Дм. Брячисовъ. Вильна. 1889.

Кто не знаетъ и не повторяетъ постоянно, что изученіе западнорусской исторіи есть одна изъ насущнѣйшихъ потребностей и русской науки, и русскаго общества. Сознаніе это въ послѣдніе двадцать слишкомъ лѣтъ не остается однимъ только пожеланіемъ. Постоянно издаются акты, касающіяся исторіи Западной Руси, появляются на-